

Вячеслав Афончиков
Потерянный шпион

«Лениздат»

2009

Афончиков В.

Потерянный шпион / В. Афончиков — «Лениздат», 2009

Огромная и величественная Империя переживает эпоху расцвета и экономического подъема, укрепления военной мощи и государственности. Но за фасадом кажущегося благополучия, глубоко, в тени, зреют мощные силы, способные расколоть ее изнутри и уничтожить. Департамент Государственной Стражи и один из опытнейших его офицеров, зихерхайтелкапитан Шмидт пытаются разоблачить опасный заговор и спасти Великую Державу. Им противостоит опытный противник...

© Афончиков В., 2009

© Лениздат, 2009

Содержание

Вместо предисловия	5
Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вячеслав Афончиков

Потерянный шпион

Вместо предисловия (от переводчика)

Работая в архивах и библиотеках и изучая историю погибших империй, мне неоднократно приходилось находить документы, которые вряд ли заинтересовали бы профессионального историка. Оно и понятно: с точки зрения ученого, основной интерес представляют судьбы и жизнеописания великих полководцев и политиков, монархов, вождей и трибунов. Вероятнее всего, для исторической науки такой интерес абсолютно оправдан. В то же время, изучая историю подобным, академическим образом, ученые так и не смогли прийти к единому мнению по основному волнующему нас вопросу – отчего же эти, Великие и Могучие Государства, казавшиеся своим современникам незыблемыми и вечными, рано или поздно рухнули, рассыпавшись подобно карточным домикам? Конечно, великие катаклизмы истории, такие как засуха, моровые болезни и нашествия воинственных завоевателей, могли разрушить и разрушали целые города и страны. Однако, как это ни покажется невероятным, в год распада каждой из изучавшихся мною империй никаких подобных катаклизмов не происходило.

Мне, как исследователю, представилось весьма возможным, что процессы, приведшие к гибели империй, происходили в основном не снаружи, а внутри самих государств, причем, если можно так выразиться, – «совсем внутри» – в умах и сердцах их подданных. Это заставило меня обратить пристальное внимание на ту часть исторических документов, которая относилась к делам и судьбам простых людей, бывших современниками и участниками Эпохи Больших Перемен.

История Империи Рутении интересна тем, что в ней практически не было каких-либо уникальных, присущих только этой Империи событий. Напротив, история этой великой державы оказалась настолько типичной, что могла стать эталоном для истории других государств. Документы, которые мне посчастливилось обнаружить, были написаны на имперском языке. В отличие от староимперского, этот язык несложен для перевода, особенно для меня, овладевшего им еще в раннем детстве.

Единственной трудностью, но трудностью и в самом деле серьезной, стала попытка перевода на русский язык имперских воинских, полицейских, морских и статских званий. Я нашел выход из этой ситуации, который в равной степени можно считать как сомнительным, так и остроумным. Все полицейские и статские звания были приведены мною в немецкой, морские – в английской, а пехотные и кавалерийские – в русской транскрипции. В этом варианте они совершенно несозвучны их прочтению на имперском, однако, по моему глубокому убеждению, наилучшим образом отражают их сущность. Тем не менее я приношу читателям свои глубочайшие извинения за возможные неудобства при чтении и интерпретации этих званий.

Эпоха Больших Перемен в Империи пришлась на то романтическое в истории человечества время, когда порох и свинец уже в полный голос заявили о себе, однако не смогли еще вытеснить со сцены стрелу и клинок, а основными способами передвижения по воде все еще оставались весло и парус. В наших школьных учебниках этот период примерно соответствует эпохе позднего Средневековья. Поскольку в Империи с древних времен существовало свое летосчисление, указывать конкретные годы, к которым относятся описываемые события, я счел бессмысленным.

Итак, Империя Рутения, Эпоха Больших Перемен...

Пролог

*Существует пять разновидностей шпионов:
местный шпион, внутренний шпион,
обратный шпион, шпион, который должен жить,
и шпион, который должен умереть.*

Сунь-Цзы

Западные склоны гор, уже обильно поросшие свежей весенней травой и зеленеющим кустарником, все еще были ярко освещены лучами апрельского солнца. В конце апреля в этих краях на солнечной стороне может быть даже жарко, хотя в низинах, особенно за большими валунами в тени еще лежат куски пожухлого сероватого зимнего не то льда, не то спрессованного снега. Странник приоткрыл глаза, впрочем, уверенно открыть удалось только правый. Да, очевидно, он еще жив, хотя ему и было еще не ясно, каким образом. Хотелось пошевелиться, ощупать себя и понять, насколько велики его шансы, но он решил этого не делать, по крайней мере – пока не стемнеет. Те, кто сбросил его с обрыва, почти наверняка были профессионалами и могли либо наблюдать за ним сверху, либо спуститься и проверить свою работу. Странно, что они выбрали такой ненадежный способ его прикончить, ведь их так много, этих способов. Старый Гризли, его учитель в Обители, часто любил говорить, что на каждый известный способ лечения человека люди придумали не менее десяти способов его убивать. Старый Гризли был, по своей первой (и неглавной) профессии, врачом и знал, что говорил. Несмотря на крайнюю неопределенность своего положения, Странник все-таки позволил себе грустно улыбнуться. Он улыбался так всегда, улыбался одними уголками рта, улыбался, когда вспоминал эту забавную древнюю легенду, которую впервые услышал еще в раннем детстве от своей матери.

Нет, все же всему на свете должно быть рациональное объяснение. Как ни трудно было соображать после такого падения, он подумал, что, скорее всего, по сценарию, который незнакомые и совершенно чужие люди написали для него (а в сущности – за него) месяца два назад, все должно было выглядеть как несчастный случай в горах. Конец апреля для этого – время прекрасно подходящее: грязь, слякоть на горных тропинках, нестаявший лед. Тогда это неплохо, тогда они вряд ли станут спускаться вниз и проверять, действительно ли он умер, оставляя на склонах следы своих тяжелых кованых сапог, которые на этой почве будет невозможно потом скрыть. Они ведь могли сначала прикончить его, а затем уже сбросить вниз, однако они этого не сделали. Почему? Странник нашел этому внятное объяснение – они были высокими профессионалами, а высоким профессионалам в любом деле свойственен определенный артистизм, то есть не просто стремление выполнить, а обязательно – красиво, изящно выполнить!

«Как приятно работать с настоящими профессионалами», – подумал он и снова чуть усмехнулся. Да, несомненно, он жив, хотя это все еще и кажется маловероятным. Мертвые не усмеваются.

Судя по темно-бурому, почти черному цвету его крови, обильно разбрызганной на листьях кустарника и камнях, он пролежал без сознания не менее двадцати минут. Его сильно познабливало, и он благодарил Господа, что с него не сняли его темную куртку толстой, грубо выделанной кожи, которая теперь щедро прогревалась солнцем. Вероятно, до сумерек удастся продержаться, а это уже реальный шанс в очередной раз выжить. Правой ноги ниже колена он вообще не чувствовал; наверное, это было и к лучшему.

Он снова закрыл глаза и впал в состояние, представлявшее собой нечто среднее между обмороком, крепким сном и зимней спячкой некоторых животных. Медведей, например. Он

не мог ничего изменить и хотел хотя бы сэкономить силы – даст Бог, они ему понадобятся ночью. По-видимому, он не чувствовал в это время боли. Что же, и это тоже большая удача.

Странник очнулся оттого, что все его тело колотила мощная, неукротимая дрожь. Уже стемнело, и с того момента, как солнце закатилось за горизонт, воздух стал остывать; с каждой минутой становилось заметно холоднее. Несмотря на то что он был тепло одет, холод он ощущал уже не кожей, а костями. Что-то подобное он уже испытывал однажды, когда выполнял задание в одном из районов Крайнего Севера. По-видимому, давала о себе знать серьезная потеря крови. Странник понимал, что единственный способ согреться, да и вообще выжить – это начать двигаться, чего бы это ни стоило. Он попытался встать на четвереньки и был удивлен тем, что это ему удалось. Он чувствовал невероятную слабость и медленно, стараясь не упасть, встал на ноги. Пробираясь по лощине, в которой он оказался, на юго-восток, он, если ему повезет, мог дойти до дороги, спускавшейся по восточному склону до поселения, которое, кажется, называлось Грюненберг или что-то в этом роде. Если бы он был в обычной своей форме, он мог бы дойти до него часов за двадцать, но сейчас это потребует двух-трех суток. Конечно же, он не собирался появляться в селении, особенно в таком виде. В этих захолустных местах жизнь течет очень медленно и размеренно, и можно сказать, что здесь практически никогда ничего интересного не происходит. Появление в селении человека с разбитым лицом, сильно хромающего на правую ногу, в разорванной кожаной куртке и без вещей, спустившегося с гор, то есть, скорее всего, пришедшего с Запада, стало бы основной темой для разговоров сельских сплетников минимум на полгода. Если учесть, что большинство жителей этого Грюненберга, или как его там, занимались овцеводством и пасли свои стада черт знает где, информация о нем распространилась бы уже через неделю в радиусе минимум ста верст. Это никак не входило в планы Странника. То, что его, по-видимому, считают погибшим, было, пожалуй, самой приятной мыслью изо всех, приходивших сейчас ему в голову.

Медленно, с каждой минутой все сильнее и сильнее ощущая боль в правой ноге, Странник пошел, обходя валуны и пробиваясь через заросли кустарника. Страшно хотелось пить, и (он на это очень надеялся) здесь, в низине он найдет какой-нибудь источник. Его ожидания оправдались приблизительно через час, когда он набрел на небольшой горный ручей, громко и весело журчащий среди камней в ночной тишине.

Существует более двадцати разновидностей воды – вспомнил он занятия по курсу выживания, которые посещал во время своего обучения в Обители, – и каждая из них по-разному действует на человеческий организм. Вода может оживить, но вода может и убить. Самой лучшей, самой живительной и целебной водой для человеческого организма является талая вода из горных ледников в течение пяти-семи суток после того, как она растаяла. Что же, именно это ему сейчас и нужно – жизнь и исцеление. Он помнил, что воду нельзя глотать жадно, чтобы она проваливалась прямо в желудок, а нужно подолгу держать во рту небольшие ее порции, так как в этом случае она совершенно по-иному действует на организм, нужно всасывать ее языком и щеками, деснами и нёбом. Перед этим нужно обязательно тщательно прополоскать рот, ни в коем случае не глотая первые порции. Нужно выпитывать воду как ученическая промокашка, а не заливаться ею как бочонок. Он все это хорошо помнил, как и многое другое из того Важного, чему его научили в Обители мудрый Старый Гризли и другие учителя.

Вода, выпитая по правилам, была очень чистой и мучительно холодной, а его все еще знобило и потряхивало, однако она все же сделала свое дело – ему стало заметно легче, и он решил, что еще, пожалуй, верст пять он вполне пройдет. Он разорвал, вернее, дорвал то, что еще не было разорвано, и осмотрел свою ногу. Больших размеров рваная рана на передней поверхности голени, вся в запекшейся крови, его не испугала. В своей бурной жизни ему приходилось видеть вещи и похуже. Такую рану можно в принципе зашить, тогда она заживает быстрее, не кровоточит и, что менее всего важно, оставляет маленький аккуратный рубец. Но он помнил слова Старого Гризли; если рана получена в полевых условиях и ее сразу зашили,

шансы потерять потом всю ногу примерно пятьдесят на пятьдесят. Это не устраивало Странника, и он просто промыл рану и тщательно ощупал, несмотря на боль, кости голени.

«Вроде бы не сломаны», – подумал он и в очередной раз изумился тому, что падал с такой высоты, а они вот не сломаны.

Наверное, следует благодарить те заросли кустарника, которые разодрали ему в кровь лицо и руки и едва не выкололи глаза – что ж, обмен получился выгодным для него. Еще ему было тяжело и больно делать глубокий вдох, каждая такая попытка отзывалась резкой болью в правом боку – скорее всего, у него были сломаны пара ребер, и он знал, что если легкое не задето, то это пустяки и заживет само без всякой помощи, а если задето – то это конец и здесь, в горах, никто уже помочь ему не сможет. В любом случае он уже ничего изменить не мог. Он разделся и, сняв с себя нательную белую рубашку (вернее было бы сказать: когда-то белую), оторвал от нее рукав. Его вполне хватило для того, чтобы перевязать рану на голени, наложив на нее чистый, промытый в этом же ручье лист подорожника. Он тщательно умылся и ощупал раны на голове – ничего особенно страшного, можно пока обойтись без повязки. С трудом и болью разлепил веки левого глаза и закрыл правый – левый глаз неплохо видел, насколько это было возможно в наступивших сумерках.

«Что же, можно сказать – отделался легким испугом», – подумал Странник, надевая на себя остатки нательного белья и куртку. Теперь – в путь. Он еще не знал, как ему вести себя дальше, просто до сих пор еще не было понятно, будет ли вообще у него это «дальше», однако внутренний голос, которому он привык доверять, говорил ему, что еще случится много удивительных событий перед тем, как все это закончится. Прихрамывая и стараясь не делать глубоких вдохов, он двинулся вперед. В четырех верстах к западу от Грюненберга, в стороне от дороги, он это помнил, находилась пастушья хижина, заброшенная и давно уже никем не используемая. Лучшего места для того, чтобы отлежаться и как-то привести себя в порядок, он придумать не мог.

Глава 1

Весеннее солнце ярко освещало умытые утренним холодным дождем улицы Рутенбурга. Из окна кабинета была видна площадь и огромный дворец Крон-Регента, обнесенный высокой стеной с башенками. На одной из башен, ближней к окну, часы показывали без четверти полдень. Положение солнца на небе соответствовало показаниям часов, что, как утверждал «Независимый Государственный Листок Новостей», свидетельствовало о безупречной работе чиновников Департамента Астрологии Неба.

Зихерхайтскапитан Шмидт отошел от окна и присел в массивное дубовое кресло. До совещания в конференц-зале оставалось 15 минут, время слишком незначительное, чтобы занимать его какими-либо существенными делами, и Шмидт, как это часто бывало в последнее время, предался своим размышлениям.

Его размышления носили преимущественно грустный характер, так как касались его собственных перспектив в жизни и служебной карьере. В настоящее время он занимал пост руководителя специальной следственной группы Департамента Государственной Стражи. С точки зрения простого обывателя это означало колоссальный уровень власти и великолепное жалование – семьдесят золотых в месяц в стране, где средний уровень дохода едва превышал десятку. Для большинства жителей даже столичного Рутенбурга это могло быть не более чем несбыточной надеждой. К сожалению, все относительно – в самом Департаменте он занимал положение, при котором многие десятки людей могли пренебрежительно смотреть (если вообще смотрели) в его сторону и не отвечать на приветствия, которые он четко отдавал при встрече с ними, в полном соответствии с Уставом внутренней службы. Когда он, молодой рутенбургский парнишка из хорошей семьи и с незапятнанной репутацией поступал на учебу в Академию Государственной Стражи, он, как и большинство его товарищей-однокашников, выдержавших весьма строгие государственные экзамены, мечтал о блестящей карьере. При этом ему наивно представлялось, что залогом успеха служит прилежная учеба, честность, верность Присяге и Родине, ну и, конечно же, – удача, эта капризная Строгая Леди, благосклонность которой позволит ему совершить что-то важное для национальной безопасности. К сожалению для него, прошло слишком много времени, прежде чем он понял, что самым важным для национальной безопасности является родство с кем-то из Высших Чиновников администрации Крон-Регента. Когда его однокурсник, который на экзамене по военной топографии проложил путь пехотной полусотне через выкрашенное светло-синей краской на карте пространство, а на занятиях по применению ядов и противоядий упорно утверждавший, что сильнейшим из известных ему растительных ядов является зверобой, так как он убивает не только людей, но и большинство зверей; однокурсник, выведший ночью учебную разведгруппу на центральную площадь небольшого провинциального городка, так как был убежден в том, что Полярная – самая яркая (как он говорил – «большая») звезда неба, но бывший при этом родным племянником начальника Департамента Недр закончил академию с отличием и был в связи с этим сразу назначен на должность начальника отдела Департамента, тень сомнения уже шевельнулась в душе молодого зихерхайтслейтенанта Шмидта. Однако хорошее воспитание и твердые убеждения не дали тогда этому сомнению вырасти во что-либо большее. Теперь он отчетливо понимал, что его юношеские убеждения сыграли с ним очень коварную и злую шутку: пытаясь идти по жизни в соответствии с ними, он безнадежно застрял на должности начальника группы, причем его здравый ум не позволял ему уже мечтать о чем-либо большем. Его непосредственный начальник в чине зихерхайтсдиректора был на четыре года его моложе. Он слабо помнил этого молодого курсанта академии, бывшего первокурсником в течение того года, когда пятикурсник Шмидт исполнял обязанности сержанта в его учебной сотне. Слабо помнил, несмотря на свою вообще-то прекрасную память на лица, незаменимую в его профессии, потому что моло-

дой ученик никакими особенными способностями себе не проявлял. Его способности в деле защиты национальной безопасности проявились несколько позже, когда он, будучи уже зихерхайтслейтенантом, которому грозило откомандирование в дикие и беспокойные районы Предгорья, молниеносно женился на полноватой, некрасивой и на удивление глупой дочери культурдиректора, тогдашнего заместителя начальника Департамента Культуры. Наивный Шмидт, никогда ранее не предполагавший, какое огромное значение имеет женитьба для Государственных Интересов, все свободное время тратил тогда на ухаживания за очаровательной кудрявой блондинкой, дочерью булочника из пригорода, обладавшей великолепной фигурой и, как показала жизнь, абсолютно неперспективным генеалогическим деревом.

Старый человек, умудренный большим жизненным опытом, такой убежденный ортодокс, как его дед, прошедший всю Большую Войну от начала и до конца в тяжелой кавалерии под командованием самого темника Берга Великолепного и много повидавший на своем веку, мог бы, будь он жив, сказать ему, что это не так уж и плохо – не сделать головокружительной карьеры, но зато – сохранить свои убеждения. К сожалению, дед давно уже покинул наш суетный мир, но дело было не в этом. Штука вся была именно в том, что, по мере того как жизнь подбрасывала ему все новые и новые несоответствия реальности с Идеалами, убеждениям все труднее и труднее было сохраняться в его душе. Ощущение было такое, что его идеалы находятся на льдине, которая неумолимо тает под лучами весеннего солнца и они, как и полагаются в подобной ситуации утопающим, находящимся на тающей льдине, цепляясь за ее края и отчаянно сопротивляясь, все же, нехотя и неумолимо, идут ко дну. Результат был плачевен, хотя и ожидаем, – интуитивно предпочтя карьере идеалы, зихерхайтскапитан Шмидт в настоящее время не мог похвастаться ни тем ни другим. Это заполняло его душу невнятной и почти неуловимой, но в то же время отвратительно непрекращающейся тоской, значительно ухудшавшей качество его жизни. Впрочем, несмотря ни на что, ему все еще нравилась его работа, он ощущал себя высоким профессионалом и фактически таковым и являлся, что вынуждены были (разумеется – с должной долей пренебрежения) признавать даже его недоброжелатели.

Предстоящее совещание в конференц-зале не было чем-то из ряда вон выходящим: подобные совещания проводились в среднем раз в месяц, и Шмидт уже не испытывал былого юношеского трепета, появляясь на них. Тогда, в те далекие теперь уже годы, ему казалось, что каждое такое совещание может стать началом какого-то большого, героического дела, которое он, уж будьте уверены, доведет до победного конца. В настоящее время зихерхайтскапитан уже давно уяснил для себя простую истину, к пониманию которой рано или поздно приходит каждый профессионал – в жизни никогда нет места подвигу. Подвиги совершаются только дилетантами, при этом каждому подвигу должна предшествовать катастрофа, виной чему чаще всего являются также дилетанты, а финалом подвига – какая-нибудь трагедия, которая если и не уменьшает общее число дилетантов (ибо их не счесть), то, по крайней мере, позволяет поддерживать их количество в социуме на допустимом, неопасном уровне. У профессионалов же подвига нет, и его не может быть в принципе. Профессионал никогда не произнесет фразы «мы воевали в Предгорье» или «мы сражались в Предгорье», он просто скажет: «Последние два месяца работали в районе Предгорья». Чаще всего за этим следовала фраза, которую Шмидт периодически слышал на утренних докладах в Департаменте: «Легкораненых в подчиненной мне полусотне трое, убитых нет». У тех же, кто «воюет» или «сражается», Шмидт хорошо знал это по рассказам деда, да и по опыту собственных командировок в районы боевых действий, через два месяца от полусотни остается человек семь-восемь, не более.

Конечно, такое представление абсолютно не соответствовало тому, что говорилось о подвигах в школьных книгах и «Независимом Государственном Листке Новостей», но ведь они писались в соответствии с нормативами Правды, а Департамент Государственной Стражи, хотите вы этого или нет, был особой службой и в своей работе должен был опираться на Фактическую Правду. Естественно, что к Фактической Правде допуск имело лишь ограничен-

ное число лиц, что, как это прекрасно понимал Шмидт, было одним из высших проявлений заботы правительства о людях. Знание Фактической Правды для людей с неуравновешенной психикой, да и вообще для тех, кто не прошел спецподготовку, неминуемо причиняло ущерб их здоровью и могло закончиться где-нибудь в приюте для душевнобольных. В то же время информация, соответствующая критериям Правды, прекрасно воспринималась обывателями и в конечном счете помогала им выполнять их работу, получать от нее определенный доход и уплачивать справедливые налоги и подати.

Зихерхайтскапитан вспомнил, что мудрое выделение трех уровней Правды – это относительно недавнее изобретение, хотя сам по себе принцип подобной сортировки информации известен был издревле, и без него не могло существовать ни одно правительство. В то же время именно ученые Центральной Империи Рутении, его Родины, первыми осмыслили многовековой опыт и пришли к выводу, что существуют три уровня, научно обосновав их строгие критерии. Первый уровень, или Фактическая Правда, был собственно информацией в ее необработанном состоянии. Подача такой информации населению, справедливо утверждали ученые, является в высшей мере проявлением неуважения к нему, так как подобна подаче на обеденный стол нечищеного и не обработанного кулинарными способами картофеля или свеклы. Никакой культурный человек не станет питаться сырым нечищеным картофелем, ведь даже восточные варвары – горцы пекут его в золе костра. Пользоваться такой информацией могут только специально обученные люди, своего рода – кулинары, причем с определенным уровнем опыта и мастерства. Теоретически, на государственном уровне, такой информацией могли пользоваться лишь руководители Департамента Государственной Стражи и Высший Совет Крон-Регента. Фактически же и зихерхайтскапитан это отчетливо осознавал, единственным сборщиком такого рода информации является только его Департамент. В силу огромного объема этой информации (его сортировкой занимался специальный отдел с начальником в чине зихерхайтсдиректора, занимавший в департаменте целый флигель), его главный руководитель, господин зихерхайтспрезидент при всем желании не может сообщать Высшему Совету всю информацию. Это означает, что верховные правители государства получают уже обработанную информацию, так как именно господин зихерхайтспрезидент решает, какая новость существенна, а какая незначительна.

Второй уровень, или Частичная Фактическая Правда, предназначался для относительно многочисленной армии чиновников департаментов, ответственных за разнообразные стороны жизни государства. Например, чиновникам Департамента Сельского Хозяйства все-таки приходилось сообщать фактические цифры урожая пшеницы в этом году и объемы ее продаж за границу (в миллионах пудов). Хотя данная информация не всегда носила позитивный, эмоционально-положительный характер и могла приводить к патологическим размышлениям, все же без нее работа данного департамента приобрела бы уж слишком мистический характер. В то же время, и на это справедливо обращали внимание те же ученые, данная информация сообщалась не абы кому, а Средним и Высшим чиновникам, прошедшим специальную подготовку в Академии Государственного Правления и имевшим чин не ниже агрокультурмайора.

Третий уровень, или просто Правда, сообщалась населению через независимую прессу, представленную «Независимым Государственным Листком Новостей», печатавшимся на сносного качества бумаге, и Службой Государственных Глашатаев, в обязанности которых вменялось прочтение вслух «Листка» еженедельно на всех центральных площадях городов до волостного центра включительно, а в столице – порайонно. Этот уровень правды, как уже было сказано выше, предназначался для простых обывателей и был ориентирован на заботу об их здоровье, хорошем настроении и Чистоте Помыслов, что формировало необходимую Общественную Позитивную Психологическую Атмосферу и улучшало качество жизни каждого отдельного человека.

Шмидт еще раз взглянул на часы. Было без трех минут полдень. Пора. Нельзя опаздывать на совещания к зихерхайдсдиректору, однако и приходить раньше, без дела шатаясь под закрытой дверью конференц-зала, означало показать себя смешным. Он встал, вышел из своего кабинета, запер дверь и пошел по просторному, с высоким потолком коридору к центральной лестнице, которая вела на третий этаж. Он проходил мимо рядов запертых дверей таких же, как и у него, кабинетов начальников групп, обитых кожей, под которой располагался толстый слой хлопковой ваты. Могло показаться, что в учреждении, в котором он служит, существует некий Культ Сохранения Тепла. На самом деле в кабинетах было чаще прохладно, они хорошо проветривались, так как по рекомендации отдела организации службы именно такой микроклимат и создавал наилучшие условия для умственной работы. Шмидт знал, что «теплозащитные» двери на самом деле существуют для того, чтобы исключить возможность подслушивания снаружи. Кто мог бы себе позволить подслушивать у двери начальника группы Департамента Государственной Стражи, в то время как на каждом конце коридора стоял бдительный зихерхайдскапрал и внимательно следил за происходящим в коридоре, Шмидт не мог себе представить; но двери были одной из добрых традиций его Департамента, имевшего уже более чем вековую историю, традиций, которые всегда почтительно соблюдались. «Каждый Департамент силен своими традициями» – вспомнил он старую поговорку...

Глава 2

Полусотник Корпуса Пограничной Стражи Гюнтер Фишер совершал обычный инспекционный обход своего участка границы в секторе ответственности Айзенвальдской пограничной заставы. Он шел пешком в сопровождении двух бойцов, так как это было положено по уставу, хотя здесь, в горах северо-запада подобная предосторожность и воспринималась им как обычная перестраховка. За десять лет службы в Корпусе Фишер успел побывать на таких участках границы, где и полусотня не всегда могла справиться с отрядами прорывавшихся с юго-востока бандитов. Здесь же, в этом спокойном и тихом захолустье, самым тяжким правонарушением считалось пересечение границы группой из двух-трех невооруженных контрабандистов, как правило – местных крестьян с небольшими котомками товара за плечами.

Фишер не без основания считал себя опытным командиром. Его медленный рост по службе, а точнее сказать – отсутствие какого бы то ни было роста за последние шесть лет объяснялось не профессиональными качествами, но прямолинейностью характера и укоренившейся с юных лет привычкой докладывать командованию реальное положение дел. Подобное качество было его несомненным недостатком в системе, где уже в течение многих лет руководство предпочитало узнавать от подчиненных лишь то, что хотелось от них услышать.

Несмотря на спокойное патрулирование, полусотник старался не терять времени даром и, раз уж судьба давала такую возможность, тренировать взятых с собой молодых бойцов в оперативном и розыскном искусстве. Патрулирование с полусотником Фишером среди начинающих пограничных стражников всегда считалось трудным, но интересным, и он по праву пользовался среди низших чинов заслуженным уважением.

– Вот посмотрите на эту тропинку, – сказал он молодым стражникам, поворачивая на северо-восток и поднимаясь по склону горы. – Что вы, Вейль, можете мне о ней сказать?

Рядовой Вейль, вспоминая прежние уроки и пытаясь в своей манере говорить и рассуждать походить на командира, неспешно осмотрелся и ответил:

– Герр Фишер, по этой тропинке два-три дня назад проходил человек!

– Недурно, Вейль, недурно для начинающего, – ответил полусотник. – А вы, Шнайдер, тоже так полагаете?

Шнайдер, худощавый молодой боец среднего роста, с очень серьезным взглядом серых глаз, осмотрев тропинку и окружающие ее кусты еще раз, ответил:

– Полагаю, герр командир, что это были два-три человека, никак не менее!

– Это уже лучше, ваш ответ принимается, Шнайдер, их действительно было трое, а как давно это было?

– Судя по подсыханию слома и увяданию молодых листиков на этой ветке, это было три дня назад, герр командир! – все так же четко ответил боец.

– Вы правы, Шнайдер, вы подаете большие надежды, – похвалил своего подчиненного Фишер. – Действительно, с чего бы это одному человеку ломать ветки и справа и слева от тропинки, когда ширина ее здесь составляет более трех ярдов? Судя по следам, их было трое, возможно – четверо, они прошли здесь компактной группой около трех дней назад. Как вы думаете, кто это мог быть?

– Пастухи сюда редко поднимаются, и пастухи никогда не ходят втроем или вчетвером, – поспешил загладить свою неточность рядовой Вейль. – Торговцы вряд ли забрались бы с товаром в такую глушь, тем более что в слякотную погоду эти тропинки небезопасны. Купцы, имеющие официальные разрешения властей торговать в этих приграничных районах и переходить границу, наверняка направились бы по большой дороге через перевал. Следовательно, можно предположить, что мы имеем дело с мелкой шайкой контрабандистов, герр Фишер.

Эти рассуждения также понравились полусотнику и удостоились его похвалой, потому что сам он пришел к таким же выводам.

– И что же нам делать с ней, с этой шайкой? – спросил он бойцов, пытаясь подловить их на скоропалительном и неправильном решении.

– А ничего с ними уже не сделать, герр командир, – уверенно воскликнул Шнайдер. – Если они и были здесь три дня назад, то теперь благополучно сидят у себя по домам и радуются провернутой сделке!

– Молодец, Шнайдер, вы не поддаетесь эмоциональным порывам! – еще раз похвалил подчиненного полусотник. – Действительно, гнаться за ними сейчас было бы верхом нелепости. Ничего, они все равно попадутся. Каждая успешно проделанная ими контрабандная операция будет внушать им уверенность в собственной ловкости и безнаказанности, так что рано или поздно, но они ошибутся, и мы их схватим. Многим кажется, что можно повернуть какое-либо криминальное дельце и уйти навсегда на дно, но это удавалось лишь единицам. И дело здесь не в нашей эффективности, хотя наш Корпус действует достаточно эффективно. Дело здесь в их собственной психологии, психологии игрока, который, выиграв случайно один раз, будет возвращаться к игре вновь и вновь, пока не продуетя до нитки. Слишком велик соблазн, слишком слаб человек. Именно поэтому мы за ними и не гоняемся – они сами приходят к нам в руки. Кстати, пройдя чуть дальше, мы узнаем, сколько в точности их было – тропинка спускается вниз и через три сотни ярдов превращается в размокшее глиняное месиво, прекрасно сохраняющее следы. Пойдем, проверим свои выводы? – то ли спросил, то ли распорядился Фишер.

Бойцы, согласно кивнув, двинулись за ним.

Тропинка, как и сказал полусотник, извиваясь то вправо, то влево, уходила вниз, почва постепенно из каменистой становилась песчано-глиняной и через три сотни ярдов представляла собой сплошной слой влажной глины, обильно смоченной апрельскими дождями. Фишер внимательно осмотрел ее на протяжении двадцати ярдов, но не заметил ни одного следа. Это было странно. Очевидно, что группа предполагаемых контрабандистов шла по этой тропинке и именно в эту сторону, однако следов здесь они не оставили. Полусотник задумался и принялся осматривать края и ближайшие окрестности этого участка пути. По-видимому, люди, прошедшие здесь три дня назад, для того чтобы преодолеть глинистый участок, вскарабкались на круто возвышавшийся слева край скалы и, цепляясь за его выступы, продолжили свое движение вперед. Об этом свидетельствовали несколько небольших камешков, скатившихся с этого склона и застрявших в глинистой почве относительно недавно, после последнего в этих местах дождя.

Поведение неизвестных показалось Фишеру весьма странным, так как такое передвижение было несомненно сопряжено с риском для жизни – сорвавшись со скалы, они вполне могли не удержаться на тропинке и полететь в пропасть. В то же время Фишеру трудно было себе представить, как контрабандисты, очевидно имевшие при себе какой-либо груз, могли совершать с ним такие поистине акробатические упражнения. Он поделился своими сомнениями с бойцами, и те согласно кивнули – такое поведение контрабандистов выходило далеко за рамки обычного.

– Считаю необходимым осмотреть всю тропу на протяжении трех-четырех верст и выяснить направление движения неизвестных, – подытожил общие сомнения командир. Люди, рискующие жизнью ради того, чтобы не оставлять следов, – это уже вряд ли просто мелкие контрабандисты, дело может быть и посерьезнее...

Они шли вперед еще около мили, то поднимаясь, то спускаясь вниз, следуя причудливым изгибам извилистой горной тропы. Незнакомцы, прошедшие здесь трое суток назад, были людьми аккуратными – на протяжении всей мили лишь в двух местах наметанный глаз Фишера заметил примятый кустарник и вывернутый из своего глинистого ложа небольшой камешек.

Далее, он хорошо знал эти места, следовал подъем, затем тропинка проходила у края почти отвесного обрыва и начинала плавно спускаться в долину. Патруль проследовал вперед, внимательно оглядываясь по сторонам. Через пятнадцать минут полусотник со своими бойцами были уже на вершине скалы, откуда открывался прекрасный вид на лесистые холмы Северо-Запада. Впрочем, не красота окрестностей привлекла внимание стражников – их взгляды были устремлены на глинистую почву, окружавшую поворот тропы.

– Ну надо же, вы только взгляните на это! – вырвалось из уст Фишера. – Стоило им так стараться и маскироваться, чтобы вот так вот наследить!

По сравнению со всей предыдущей частью горной тропы, можно было сказать, что этот пяточок на краю отвесной скалы просто истоптан – казалось, что человек десять танцевали здесь какой-то непонятный танец. Полусотник и его бойцы стали внимательно изучать это хитросплетение следов. «Следы – это увлекательная книга, которую обязательно надо научиться читать» – вспомнил Фишер высказывание одного из своих учителей. Тысячу раз верно! Отойдя чуть в сторону и давая молодым стражникам полный простор для исследования, полусотник наблюдал, как его подчиненные аккуратно ходят вперед и назад, опускаются на колени и поднимают с земли маленькие камушки и комочки почвы.

«Неплохие парни, – подумал Фишер и вспомнил свою молодость, проведенную в частях Корпуса на Юго-Востоке. – Немного подучить, дать им необходимые знания и то, что не менее важно, чем знания – уверенность в себе, и эти Вейль и Шнайдер со временем смогут самостоятельно патрулировать, принимая ответственные решения на месте и действуя по обстановке. Что бы ни происходило в Империи, всегда нужны люди, которые смогут защитить ее границы. Так было издревле и так будет всегда».

– Итак, молодые люди, – прервал свои размышления командир патруля, – я хотел бы услышать вашу оценку обстановки.

– Их было трое, – начал с уверенностью в голосе Шнайдер, – и в этом месте они сильно повздорили. Настолько сильно, что стали бороться друг с другом – вот здесь и здесь на земле кроме следов ботинок отпечатки локтей, здесь ладонь – один из них упал и поднялся, опираясь на руку. Далее, двое пошли по тропинке, а третий – видимо, остался?

– Ну если он так здесь и остался, то покажите мне его, и пусть он сам нам обо всем расскажет! – усмехнулся Фишер. – Итак, куда же он делся, этот третий?

– Полагаю, – подал голос Вейль, – что он либо сорвался, либо был сброшен вниз этими двумя – спуститься благополучно с этого обрыва невозможно, а следов третьего вперед или назад мы не видим.

– А что у него была за обувь? – серьезно спросил полусотник, мысленно одоблив рассуждения подчиненных и согласившись с ними.

– Форменные ботинки горных егерей имперской армии, размер четвертый, – четко и без тени сомнения ответил Вейль.

– Итак, мы не можем догнать двух контрабандистов, если конечно они – контрабандисты, но мы можем взглянуть, что осталось от их третьего попутчика, – заключил вслух Фишер. – Для этого нам придется пройти вперед по тропе, спуститься вниз и подойти к обрыву снизу – это всего четыре версты пешком. Как гласит народная поговорка – волка ноги кормят, и к нам с вами она имеет самое прямое отношение! Вперед!

Когда стражники подошли к основанию скалы, уже вечерело, однако солнце все еще ярко освещало густо заросшую кустарником лощину. Оставалось еще около двух часов светлого времени суток, и им предстояло обследовать довольно большой участок зарослей – нужно было торопиться. Через полчаса Фишер услышал радостный возглас Шнайдера:

– Герр командир, это здесь!

Полусотник подошел и увидел сломанные ветки кустов и несколько крупных камней, один из которых был забрызган темно-бурыми пятнами. Но поскреб одно из них – кровь. Вме-

сте с бойцами они обыскали окрестности, но тела незнакомца, свалившегося три дня назад с обрыва, не нашли. Пора было возвращаться на заставу.

Уже стемнело, когда усталые бойцы Корпуса Пограничной Стражи вошли в помещение Айзенвальдской заставы, где их ждал сытный ужин и заслуженный отдых. Фишер, лишь чуть утолив голод холодной телятиной с кружкой светлого пива, поставил на стол лампу и, достав из казенного шкафчика письменные принадлежности, принялся писать отчет. Больше всего ему сейчас хотелось спать, но он был с малых лет воспитан педантом – порядок прежде всего. «Орднунг унд дисциплин!» – это было даже не поговоркой, не лозунгом, в значительной степени это было смыслом жизни его деда и его отца, также служивших в свое время в частях Корпуса. Стоит ли удивляться тому, что этот жизненный принцип навсегда передался и их сыну и внуку?

Его отчет, забранный следующим утром фельдкурьером, был доставлен в Районное Управление Пограничной Стражи, где пролежал без движения трое суток – клерк, ответственный за сортировку бумаг, не носящих грифа «срочно, совершенно секретно» был болен. Затем карета спецпочты отвезла бумагу в Рутенбург, в Главное Управление Корпуса, для передачи ее в архив. В соответствии с действующими циркулярами, с отчета полусотника Фишера было снято две копии, одна из которых незамедлительно отправилась по адресу Кайзераллее, 2, где располагался Департамент Государственной Стражи. Когда-то, довольно давно, Корпус был одним из подразделений этого Департамента, но и сейчас, несмотря на формальное административное их размежевание, поддерживал с ним тесные деловые связи. Иначе ведь и быть не могло.

Вторая копия отправилась по адресу Нойнбург, 18, из которого следовало, что адресат может находиться как в древнем городе Нойнбурге, так и в десяти тысячах верст от него. Эта копия, доставленная спецпочтой, была внимательно прочитана и оживленно обсуждена группой из четырех мужчин, одетых в серые накидки с капюшонами, какие носят монахи некоторых орденов. Они сидели вокруг большого стола, на котором лежала папка из плотного картона. На папке крупными буквами было выведено: «Дело П-329 „Странник“». Когда обсуждение было закончено, один из сидевших за столом пододвинул к себе папку и достал из-под стола небольшой сундучок, в котором хранились разнообразные печати. Он извлек одну из них, прямоугольную, продолговатую, на которой было вырезано «умкоммен», и на минуту задумался. Затем, убрав первую печать обратно в сундучок, он уверенной рукой достал другую и тотчас сделал на обложке папки отчетливый оттиск. «Ферлоренгехен» – пропавший без вести...

Глава 3

Поднявшись по центральной лестнице в конференц-зал, Шмидт нашел себе кресло в восьмом ряду и удобно в нем расположился. «И все-таки что-то сегодня не так», – сказал он самому себе, взглянув на президиум. Во главе президиума сидел господин зихерхайтспрезидент.

Конечно же, у него было имя, имя, которым в детстве его называли родители, имя, как и у любого другого человека, но в Империи уже давно не было людей, которые могли бы себе позволить вольность называть его по имени. Как и каждый Высший Чиновник, зихерхайтспрезидент всю свою жизнь посвятил тому, чтобы отличаться от простых людей, отличаться одеждой, лошадью (сейчас – спецкаретой), внешностью, речью (не мог же он себе позволить говорить на том простом языке, на котором он разговаривал со своими друзьями во дворе, когда они играли в кегли!), манерами. Каждый, кто просто видел господина зихерхайтспрезидента, должен был ощущать ту колоссальную пропасть, которая их разделяет. В сущности, именно достижению этого, а не вопросам национальной безопасности была посвящена вся его жизнь.

«Да и зачем ему заниматься национальной безопасностью, – подумал Шмидт, – когда у него есть десятки шмидтов, профессионалов, которым можно даже не обещать денег и продвижений по службе, потому что настоящий профессионал даже если захочет, то просто не сумеет сделать свою работу плохо».

Достигнув своей Высокой Цели и став фактически чиновником номер один в Империи, чиновником, власть которого даже превышала во многом власть Крон-Регента, господин зихерхайтспрезидент все же должен был пожертвовать ради этого чем-то несущественным. В частности, это было имя, которым его называла мать.

Справа от него, за столом в президиуме, расположился орднунгполицийпрезидент, глава Департамента Общественного Порядка. Формально, по табели о рангах, утвержденной еще императором Максимусом IV, он был на одном уровне с господином зихерхайтспрезидентом, однако сама по себе эта мысль не могла не вызывать смеха. В частности, Шмидт ни разу не слышал, чтобы кому-нибудь пришлось в голову назвать его «господин». Лицо орднунгполицийпрезидента, как и лица многих Высших Чиновников Империи, расплылось от жира до просто-таки невероятных размеров. Глядя на его лицо, на котором с большим трудом угадывались мелкие бусинки глаз, тревожно озирающихся по сторонам, Шмидт ни к селу ни к городу вспомнил заметку, читанную им на прошлой неделе в «Независимом Листке». Заметка была посвящена успехам отечественного животноводства, и в ней сообщалось, что по результатам прошлого года экспорт сала составил более полумиллиона пудов и что, если дело пойдет так и дальше, то благодаря мудрой политике Крон-Регента мы сможем занять лидирующее положение на мировом рынке сала, потеснив нашего юго-западного соседа, Верхнеземелье, для которого доминирование на этом рынке традиционно. Глядя на орднунгполицийпрезидента, Шмидт не мог не согласиться с автором этой статьи – успехи в этой области и впрямь были колоссальные.

Слева от господина зихерхайтспрезидента расположились начальники отделов Департамента, знакомые Шмидту по повседневной работе, в том числе и его непосредственный начальник, зихерхайтсдиректор Фукс.

В общем, в зале не было никого и не происходило ничего такого, что бы ни случилось раньше, но Шмидт все-таки чувствовал, чувствовал тем неуловимым, иррациональным чутьем, которое приобретает с годами каждый контрразведчик, что сегодня что-то не так. Он решил быть повнимательнее и ничего не упускать даже в том случае, если объявят, что темой совещания является очередной юбилей Крон-Регента или успехи в области продажи угля странам зарубежья. Такие совещания случались частенько во всех департаментах, так как ученые

доказали, что они увеличивают степень Чистоты Помыслов и улучшают производительность труда.

Дежурный офицер, стоявший у входной двери закрыл ее, и трижды звякнул в висевший рядом с ним колокольчик. В зале воцарилась мертвая тишина. Сопровождение началось.

Первым, как и полагается по правилам, заговорил господин зихерхайтспрезидент. Выражение его лица всегда было одинаково. Шмидт часто видел его на подобных совещаниях, прежде и теперь, и практически никогда это выражение не менялось. Вернее – не так. Менялась лишь одна его эмоциональная составляющая – он мог быть доволен, недоволен или (промежуточное положение) спокоен. Эта составляющая занимала не более трети от общего выражения его лица. Остальные две трети состояли из безмерного высокомерия и презрения ко всем окружающим, где бы он ни находился. Тех, кто помнил его в молодости, когда он, младший кавалерийский интендант, делая первые шаги своей головокружительной карьеры, угодливо улыбался и всячески угождал каждому оберинтендантмайору, не говоря уж об остальном, вышшем для него тогда начальстве, осталось совсем немного. В то же время именно в те далекие молодые годы он и сделал для себя главное жизненное наблюдение, ставшее вскоре его основной философией: смысл жизни – это власть, смысл власти – унижение. Каждый, кто хочет власти, должен принять эти несложные правила игры. Приняв их, ты можешь унижать своих подчиненных (иначе вообще игра теряет свой смысл) и должен охотно, с заметным для постороннего наблюдателя удовольствием, унижаться перед вышестоящим начальством, показывая тем самым, что ты честный игрок и правила тобою соблюдены.

– Сегодня мы собрали вас здесь, – сказал зихерхайтспрезидент, – для того чтобы обсудить нынешнее положение дел в общественной и национальной безопасности. Для этого нами был приглашен профессор (тут он сделал небольшую паузу, вспоминая имя ученого: человек такого, как он, масштаба не может позволить себе забивать свою память всяким мусором)... эээ, Гольденкампа, который по нашей просьбе подготовил интересный обзор. Просим вас, профессор!

Профессор Гольденкопф, молодежавый мужчина лет сорока пяти – пятидесяти, с густыми седыми волосами, безупречно выбритый и в черном сюртуке великолепного сукна, вышел на трибуну спокойной, чуть с ленцой походкой. Весь его вид говорил о том, что этот человек знает себе цену и все время немного любит себя; при этом его хорошее воспитание и прекрасные манеры, – скорее всего продукт уже наследственный, полученный им уже при рождении даже не от родителей, а от дедов и прадедов. Такой человек, хотя внутренне и ощущает свое значительное превосходство над окружающими его людьми, никогда не даст им этого понять грубо, остро, а сделает это настолько деликатно, что ты и не почувствуешь. Общение с ним никогда не оставит в душе ощущения униженности и опустошения, а напротив – приятное чувство знакомства с очень умным человеком, как бы равным тебе. Человек туповатый и грубый даже скажет потом – вот, дескать, этот профессор – нормальный, свойский мужик, а еще говорят, что все профессора надменные и заносчивые. Человек же умный, напротив, все поймет и будет благодарен ему за то, что он мог его несколько принизить, но ведь не стал же этого делать! Наверное, похожее чувство испытывает какой-нибудь лесной барсучонок, мимо которого вальяжно проходит сытый матерый волчара, лениво смотрит в его сторону, что-то невнятно и неагрессивно проурчит и двинется дальше по своим волчьим делам. Это приятно отличало профессора от многочисленных его коллег нуворишей, профессуры первого поколения, расплодившейся в последнее время в Рутенбурге в неимоверном количестве ввиду острой моды на науку и образование. От профессора веяло приятной добротностью массивной, красного дерева мебели вековой давности. Шмидту он сразу понравился.

– Я любезно приглашен вашим руководством (тут он почтительно кивнул в сторону стола, за которым сидел господин зихерхайтспрезидент), чтобы сделать для вас краткий политологический обзор современного состояния общества нашей державы и актуальнейших проблем

поддержания лояльности населения. Я прошу вас извинить меня за возможную академичность моего выступления, но я профессор, далек от практики и привык раскладывать все, что называется, по полочкам. Поэтому я хочу начать с краткого исторического экскурса, ибо так мне будет проще объяснить вам мои основные идеи. Он снова посмотрел, теперь уже вопросительно, в сторону зихерхайтспрезидента.

– Просим вас, профессор, говорите, – с обычной мерой снисходительности сказал председательствующий.

– Проблема лояльности населения всегда волновала ученых, занятых изучением таких наук, как социология и политология, – начал уверенно профессор, глядя в центр зала. – Уже около двухсот лет назад выдающийся ученый прошлого, профессор Заменгоф, выдвинул постулат, который справедлив и по настоящее время. В своих работах он убедительно доказал, что эффективность государственного управления прямо пропорциональна степени лояльности населения и обратно пропорциональна общим потребностям населения, подразумевая при этом под термином «общие потребности» совокупность потребностей духовных и материальных. Из этого было сделано предположение, впоследствии блестяще подтвердившееся, что степень лояльности зависит от разности между совокупными потребностями и способностью государства их удовлетворять. Полагаю, что это представляется очевидным. – Он окинул взглядом зал. Никто и не пытался с этим спорить. – Гениальный Заменгоф открыл нам, в сущности, очень простую истину – для достижения определенного уровня лояльности можно либо поднимать материальное благосостояние, либо развивать духовное начало, при этом эффективность того и другого пути примерно одинакова. Иначе говоря, плебсу, которому недостает хлеба, можно компенсировать это зрелищами, а плебсу, получившему некоторый избыток питания, зрелища можно сократить. К сожалению, политология тех лет находилась в младенческом, если так можно сказать о науке, периоде, и профессор Заменгоф, работая в информационном пространстве своей эпохи, подошел к данной проблеме несколько однобоко. Повторяю, мы не вправе судить гения за то, что он не был знаком с разработками, появившимися почти век спустя. Заменгоф рассматривал в качестве основного способа улучшения качества государственного управления усиление степени удовлетворения потребностей, что хотя и соответствовало ошибочным, псевдогуманистическим взглядам его эпохи, однако, как мы теперь понимаем, было тупиковым путем развития государственности. Дело в том, что удовлетворение духовных и материальных потребностей сегодняшнего социума неизбежно приводит к патологическому, просто-таки безудержному росту этих потребностей в дальнейшем. Таким образом, государство, пытающееся достичь совершенства своего устройства таким путем, обречено на вечное движение по трудной дороге, у которой в принципе нет конца.

Этот недостаток теории Заменгофа был блестяще устранен в трудах профессоров Шварцмана и Цейса, относящихся к началу прошлого века. Именно эти профессора, не без гордости напомню вам – наши соотечественники, разработали теорию оптимизации общих потребностей. Суть этой теории состоит в том, что снижение общих потребностей при том же уровне удовлетворения их государством приводит к повышению уровня лояльности, что блестяще следует из формулы Заменгофа. При этом очевидно, что снижение уровня материальных потребностей, хотя и возможно, крайне ограничено и может создавать критические исторические точки, характеризующиеся резкими снижениями уровня лояльности. Действительно, довольно трудно убедить даже очень разумное население, что для его же блага следует снизить потребление, скажем, мяса или овощей. Гораздо более перспективным представляется иной путь.

Профессор сделал краткую паузу и продолжил:

– Уникальные возможности заключаются в планомерном снижении духовных потребностей населения, которые не так остро ощутимы и для которых вообще нехарактерно формирование критических исторических точек. Уже из расчетов Шварцмана и Цейса выходило, что идеальное снижение духовных потребностей позволяет повысить уровень лояльности на

35–40 %. Они поскромничали, я могу сейчас утверждать это совершенно определенно. Наши новейшие расчеты дают с высокой степенью вероятности повышение до 60 %!

В зале послышался отчетливый одобрителный гул. Профессор благосклонно улыбнулся. Для большинства сидевших в этом зале лояльность населения была основным показателем их работы; многие начинали работу начальниками районных отделов в глубинке и прекрасно помнили, что и за 2–3 %, указанные в годовом отчете, в Центре хвалили и премировали, а за 5 % порой и награждали, как во времена Большой Войны, хотя в большинстве случаев цифры были липовые. Впрочем, медали ведь дают за мужество, а это еще вопрос, кому нужно больше мужества – кавалеристу, ведущему свою полусотню против вчетверо превосходящего противника в голой степи или какому-нибудь зихерхайтскапитану, осмелившемуся нагло (5 %!) врать столичному Департаменту. Мужество, оно и есть мужество.

Профессор выдержал паузу, ровно столько, чтобы все сидящие в зале осознали важность его слов, и продолжил:

– Профессор Цейс смело предположил, что снижения духовных потребностей можно добиться через оптимизацию искусства, как основной питательной среды для духовного начала человека. Идея просто запретить искусство была сразу отброшена как нелепая, ибо единственной возможностью полностью его ликвидировать является физическое уничтожение всех людей, что пагубно для Государства, так как ведет к прекращению поступления налогов. Социологические наблюдения над заключенными тюрем, полностью лишенными какого-либо общения с внешним миром и изолированными таким образом от искусства, показали, что в течение относительно короткого промежутка времени в тюрьме формировалось свое, очень примитивное, но все же искусство, проявлявшееся в формах изобразительных (фрески на стенах, татуировки), фольклорных (песни, легенды), музыкальных (тюремные блюзы) скульптурных (изделия из прессованного хлеба) и других. Последнее наблюдение профессора Цейса, я имею в виду – изделия из хлеба, наиболее показательно, так как заключенные имели весьма скудный паек и все же жертвовали им во имя прекрасного, разумеется – в их убогом понимании. Поняв, что полное лишение людей искусства невозможно, профессор Шварцман предложил другое, весьма оригинальное решение. Раз искусство нельзя устранить вовсе, можно хотя бы видоизменить его таким образом, чтобы вместо роста духовных потребностей оно приводило к их неуклонному снижению. Эксперимент, поставленный профессором Шварцманом в двадцатые годы прошлого века уникален по своему замыслу, изящности исполнения и, конечно же, полученным великолепным результатам. Взяв в качестве области исследования изобразительное искусство, он нашел психически неуравновешенного человека, согласившегося за небольшую плату стать художником. При этом предварительные апробации этого человека в Академии художеств позволили категорически утверждать, что каких-либо способностей к рисованию у данного участника эксперимента не имеется. Вы, возможно, спросите меня, почему для такого важного эксперимента был необходим человек с измененной психикой и почему нельзя было пригласить обычного обывателя, хорошо ему заплатив. Для психолога ответ очевиден. Каждый нормальный человек, которого тем или иным способом принуждают выполнять работу, которую он в силу своих физических или умственных способностей не может выполнить качественно, начинает страдать от комплекса собственной неполноценности, и в его труде все большую и большую роль начинает играть скрытая депрессия. Идиот же охотно берется за любую работу, будучи абсолютно уверенным, что раз она ему поручена, значит, он на нее способен. Нетрудно заметить, что именно такой человек и был нужен Шварцману, если далее вникнуть в суть его эксперимента. Его подопечный был объявлен художником, причем не просто художником, ведь таких тысячи, а родоначальником нового изобразительного искусства. Поскольку даже при покраске заборов этот родоначальник испытывал определенные технические трудности, ему был выдан трафарет треугольной формы, через который он наносил на куски дешевого холста треугольные фигуры зеленого цвета.

– Черного! – донесся чей-то негромкий голос из притихшего зала.

Профессор ответил своей великолепной обаятельной улыбкой:

– Я вижу, что говорю со знатоками Большого искусства!

В зале произошло некоторое веселое оживление, кое-кто даже обернулся посмотреть на молодого зихерхайтейс-лейтенанта, обронившего эту неосторожную реплику.

– Да, – ответил, все еще улыбаясь, профессор, – вы абсолютно правы. Действительно, сейчас эта всемирно известная картина называется «Черный треугольник» и ее подлинники украшают более ста пятидесяти богатейших собраний искусства в мире. Дело в том, что по условиям эксперимента предполагалось тиражирование картины практически миллионами. Выбранная же Шварцманом для эксперимента зеленая краска, наилучшая с точки зрения психологически умиротворяющего влияния на человека, содержала пигмент, который не производился на территории Империи и поставлявшийся из Нового Света по весьма высокой цене, так как содержал соли хрома. Это чуть было не сорвало блестяще задуманный эксперимент, однако был найден выход – вместо зеленого цвета был использован дешевый черный краситель на основе угольной пыли, которая, как вы, вероятно, знаете, является отходом многих видов производства и практически ничего не стоит. Эксперимент дал блестящие результаты. Обыватели, приходящие в галереи живописи, вместо полотен старых мастеров могли теперь часами наслаждаться созерцанием черных треугольников, причем, в интересах населения, в дальнейшем предполагалось появление и других геометрических фигур. Все социологические, психологические и прочие тесты показывали достоверное снижение духовных потребностей обывателей в городе, где был проведен этот смелый эксперимент. В частности, по такому важному параметру, как «посещаемость населением картинных галерей», уровень духовных потребностей снизился в 105 раз! Следует отметить, что и другие параметры также показывали несомненное торжество науки. Сейчас, как я полагаю, многие из вас задают себе молчаливый вопрос – почему же эксперимент не был доведен до конца?

По выражению лиц присутствовавших в зале профессор увидел, что да, именно этот вопрос они себе и задавали.

– Здесь сыграло свою роль стечение целого комплекса обстоятельств.

Профессор тяжело вздохнул и развел руками, всем своим видом показывая, что он скорбит об этой неудаче ничуть не меньше всех присутствующих.

– Профессора Цейс и Шварцман были истинными учеными в самом высоком смысле этого слова и вели очень педантичное исследование. Впрочем, им помогала значительная группа талантливых молодых естествоиспытателей. Один из них, некто Шранке, исследуя побочные эффекты эксперимента, который длился более десятилетия, обнаружил абсолютно необъяснимый феномен, в сущности, не объясненный наукой и по сей день и именуемый с тех пор «Феноменом Шранке». Суть его состояла в том, что мастера производства, в особенности так называемых высокотехнологичных его областей, что в переводе на человеческий язык означает производство оружия, подвергшись воздействию оптимизированного искусства, заметно снизили качество своей работы. Причем, что особенно характерно, страдало не столько производство оружия, уже поставленного на конвейер до начала эксперимента, сколько разработка и внедрение новых видов вооружения. Не мне вам напоминать, что первая половина прошлого века, в особенности период правления императора Максимуса IV, знаменовалась перевооружением армии и флота и принятием на вооружение бомбард и пищалей, требовавших особенно тщательной технологической доводки. Каким образом оптимизация духовных потребностей могла повлиять на культуру производства, нам до сих пор неясно, но Генеральный Штаб жестко вмешался и потребовал прекратить эксперимент. Если учесть, что Максимус IV 80 % государственного бюджета расходовал на развитие вооруженных сил и прислушивался к мнению военных, потому что других в его окружении практически и не было, эксперимент был прекращен. Дальнейшая судьба профессоров Цейса и Шварцмана тесно переплетается с историей вашего

Департамента. Не могу не отметить важную ошибку данных ученых, а именно – выбор в качестве точки приложения изобразительного искусства. Это было слишком громоздко и дорого, и в конечном счете не очень-то и эффективно.

Профессор налил себе полстакана воды из графина и неторопливо, с расстановкой выпил ее. Пить он не хотел, но как опытный оратор и педагог он таким образом отметил завершение первой части доклада и переход ко второй его части.

– Накопленный опыт и знания наших предшественников не были нами забыты и легли в основу исследования, которым ваш покорный слуга занимается уже без малого двадцать лет. Осмыслив ошибки Шварцмана и Цейса, мы выбрали в качестве основной точки приложения нашего проекта музыку и вокальное искусство. Это было сделано неслучайно. Данные виды искусства значительно лучше подходят для решения стоящих перед нами задач, чем живопись. Дело в том, что они обладают уникальным свойством самотиражирования. Представьте себе человека, который, увидев на выставке картину или скульптуру, возвращается домой и пытается нарисовать или вылепить нечто подобное. Представили? Вот и мне трудно поверить, что такое бывает в жизни. А теперь представьте себе человека, который, возвращаясь с концерта, насвистывает понравившуюся ему мелодию, а придя домой, если у него, конечно, есть способности и инструмент, пытается наиграть ее, ну скажем на мандолине.

По залу прокатилась волна улыбок.

– Вижу, вижу, вы это себе очень даже живо представили. Поди, ведь сами любите насвистывать?

Теперь уже улыбался практически весь зал, попытался это сделать даже ордунгполицай-президент, хотя вряд ли кто-нибудь смог бы узнать в данной гримасе улыбку.

Гольденкопф ответил присутствующим еще одной своей улыбкой, как бы говорящей аудитории «Ну что уж там, и я не без греха!», и снова продолжил:

– Выбор музыки был, таким образом, абсолютно оправдан, и он был сделан, однако мы столкнулись с новыми трудностями. В отличие от картин, где решение напрашивалось само собой, довольно долго мы не могли понять, что же надо сделать с музыкой и вокалом, чтобы они начали оказывать необходимый, оптимизирующий духовность эффект. Примитивизация текстов песен, изменение ритма музыки, максимальное упрощение ее и даже разработка новых, значительно упрощенных музыкальных инструментов не давали желаемого эффекта. В большинстве случаев, после временного и неуверенного снижения духовности, отмечался ее рост, часто даже превосходящий исходный уровень. Вот вам яркий пример – в музыку были массово внедрены барабаны, использовавшиеся первобытными племенами Крайнего Юга для подачи сигналов боевой тревоги. Надо заметить, что за приобретение этих барабанов мы дорого заплатили – помимо материальных расходов на организацию экспедиций, наша исследовательская группа потеряла двух молодых перспективных ученых, съеденных каннибалами. И что мы получили в результате? Через пять лет на площадях наших городов, вы это должны помнить, уже выступали многочисленные группы виртуозов барабанщиков, исполнявших на этих дикарских инструментах настолько сложные композиции, что не любой оркестр бы с ними сравнился. И как результат – очередной скачок всех параметров духовных потребностей населения. Порой нас просто охватывало отчаяние и казалось, что проблема не имеет решения. Однако мы не сдались. Мне принадлежит честь быть открывателем новой, совершенно неожиданной методики. Впрочем, конечно же, это результат труда большого и дружного коллектива и лишь под нажимом своих коллег я согласился, что бы это открытие было названо в специальной литературе «Правилем Гольденкопфа».

Поняв, что решение проблемы надо искать не в количественных, а в очень тонких качественных свойствах музыкальной культуры, да и, впрочем, культуры вообще, так как мое правило справедливо для всех его разновидностей, я постарался расчленить воздействие музыки и вокала на душу простого человека. Результат удивил меня, хотя, как и все большие находки

в науке, лежал на поверхности. Основной составляющей музыки и, в особенности, вокала на душу человека является сексуальность! Любая музыка в значительной степени действует сексуально, а что касается вокала, то здесь степень сексуальности его воздействия на человека оказалась более 90%! Это было доказано в ходе простого, но очень убедительного эксперимента, который любой из вас может, если только пожелает, проделать над собой. Сравните свое восприятие какой-нибудь иностранной певицы и какого-нибудь иностранного певца, поющих на языке, который вы не знаете. Понятно, что это необходимо для того, чтобы исключить фактор смыслового воздействия слов песни. Здесь важно не что поется, а как поется. Представили себе? То-то же! Так было просто найдено решение, которое ученые искали более двух столетий. Тернисты и непредсказуемы пути настоящей науки.

Профессор посмотрел вдаль, поверх голов всех присутствующих, как бы глядя на эти самые пути, далекие, тернистые, и в то же время в значительной мере уже им исхоженные. Пауза несколько затянулась, и один из слушателей, зихерхайтсмайор, сидевший в первом ряду, не выдержал и спросил:

– Ну так, профессор, и какое же это решение?

Профессор оторвался от своих мыслей и, вновь посмотрев в зал, сказал:

– А, ну так, Господи, простое же решение! Необходимо изменить, а правильное, извратить сексуальность исполнителей музыки и певцов, и мы получим желаемый и искомый нами обратный культурный эффект, подобно тому, как, развернув повозку, мы поедем именно в обратную сторону. Все очень просто: певцами и музыкантами необходимо определять сексуальных извращенцев, что, поверьте мне, не так уж и сложно и не требует от государства значительных материальных затрат. А зато – какой потрясающий эффект! Что там ваши черные треугольники! Мы перешли к повсеместному внедрению нашей методики всего десятилетие назад, а результаты огромны. Духовные потребности населения уже снижены более чем на треть, а вслед за этим следует неминуемо ждать резкого, я бы сказал, качественного повышения лояльности. А повышение уровня лояльности, в свою очередь, снижает внутреннюю угрозу национальной безопасности и ту титаническую нагрузку, которая лежит сейчас на ваших плечах. Возможно, недалек тот день, когда снижение уровня угрозы позволит вам чуть-чуть расслабиться и чаще видаться и общаться со своими родными и любимыми, женами и детьми. Я лично верю, что когда-нибудь, в далеком будущем, культура и лояльность населения позволят вообще исключить внутреннюю угрозу и ваш Департамент станет не нужен. Ну разве это не здорово?

Профессор снова мило улыбнулся. Все присутствующие также улыбнулись, оценив качество его юмора. Каждый из сидящих здесь, в этом зале, прекрасно понимал, что времени, когда Департамент станет не нужен, не может быть в принципе. Да, Департамент Государственной Стражи существует, пока существует угроза национальной безопасности. Но, и это прекрасно понимали образованные и умные офицеры, присутствовавшие на совещании, и угроза национальной безопасности будет существовать до тех пор, пока существует Департамент. Так учили их в Академии, где все они прошли курс красивой, хотя и непростой в освоении науки под названием «диалектика».

– Однако, – продолжил профессор, выдержав необходимую паузу, – праздновать победу пока еще рано. К сожалению, целый ряд факторов объективно мешают процессу повышения уровня лояльности. Несмотря на очевидные успехи, достигнутые на пути оптимизации культуры, есть еще один фронт, на котором мы, очевидно, отстаем – это формирование правильных патриотических убеждений у населения. Здесь следует признать наши очевидные промахи в деле воспитания молодежи и формирования школьных программ.

Профессор сделал серьезное лицо, всем присутствовавшим в зале стало очевидно, что не он допустил эти промахи, но он ощущает свою личную ответственность за дело, которое ему доверено, и готов их устранять.

– В сущности, в основе патриотического воспитания лежит развитие в каждом ребенке или подростке любви к собственной Родине. Особых усилий это не требует, так как известно, что любовь к Родине является естественным, органическим чувством каждого человека. Именно это и привело к тому, что в течение долгого времени процесс был пущен на самотек, и игнорировалось различное толкование понятия «Родина», что породило формирование в социуме как минимум трех моделей патриотизма. Первая модель, или Истинный Патриотизм, который и следует максимально развивать в людях, подразумевает любовь к Государственному аппарату и его главе, господину Крон-Регенту. Проявлениями данной формы патриотизма должно быть вывешивание повсеместно государственных флагов и государственных гербов, портретов Крон-Регента в каждом кабинете и присутственном месте и, в идеале – в домах обывателей, исполнение государственного гимна, своевременная уплата справедливых налогов и активное сотрудничество с Департаментами Государственной Стражи и Общественного Порядка. Другая форма патриотизма, в целом нейтральная и порой пригодная для использования в государственных интересах, – это патриотизм как любовь к родному краю, как правило – в природных его проявлениях: наши великие реки, высокие горы и глубокие озера, растительность (березы, тополя, колосья ржи и пр.). К сожалению, существует еще и третья, извращенная форма патриотизма, или, как мы, ученые, называем ее – псевдопатриотизм. Это любовь к собственному народу, к своим соплеменникам. Те, кто исповедует эту преступную идеологию, считают, что в случае принятия государственным аппаратом решений, создающих временные неудобства для коренного населения, патриотичным является тайное или явное противостояние этой власти. Порочность данных взглядов очевидна, и мы единодушно классифицируем такие взгляды как нацизм. Тем, что среди нашего населения все еще есть некоторое количество людей, исповедующих эту преступную идеологию, охотно пользуются различные экстремистские группировки, вовлекая в свои сети неустойчивых и слабохарактерных граждан.

Очевидным просчетом было временное допущение пропаганды псевдопатриотизма в эпоху правления императора Максимуса IV, в период Большой Войны. Тогда это было сделано ввиду критического положения на фронтах и отчаяния, которое охватило государственный аппарат. Считалось, что внедрение этой формы патриотизма может помочь достижению победы над врагом. Конечно, мы сейчас понимаем, что победа была достигнута правильным государственным администрированием, собственно – как и все другие победы нашей Родины. Но даже если допустить, что данный пропагандистский просчет и сыграл свою незначительную роль, то уж никак нельзя понять, каким образом пропаганда такого, с позволения сказать, патриотизма не была отменена тотчас после победы. Вы вероятно помните эту историю: извращенный патриотизм пропагандировался на государственном уровне еще в течение 8 лет!

Да, Шмидт хорошо помнил эту историю. Его отец, бывший в те годы преподавателем математики в одной из рутенбургских школ рассказывал ему, что, когда просчет был замечен, в Департаменте Культуры разразился грандиозный скандал и его глава, культурпрезидент был разжалован до унижительного звания культурлейтенанта и отправлен на должность директора одной из провинциальных школ, где, столкнувшись с необходимостью фактически работать, вскоре спился и умер. Помимо него полетели и многие другие головы – в типичном случае культурдиректоров разжаловали до культурфельдфебелей.

– Несмотря на проведенные экстренно кадровые перестановки в Департаменте Культуры, – продолжил Гольденкопф, – последствия этого сурового просчета мы пожинаем и по сей день. И сегодня экстремисты еще имеют опору среди отдельной части нашего населения. Конечно же, мы принимаем необходимые меры и регулярно корректируем школьную учебную программу. Так, в частности, не без участия нашей исследовательской группы уже в конце этого года будет издана новая, двенадцатая редакция учебника «Улучшенной Истории». В то же время, и особенно это сказывается в провинции, процесс реорганизации школьного воспитания наталкивается на объективные и субъективные трудности. В частности, значительные

сложности создают оставшиеся в живых ветераны Большой Войны, которые, причем многие, – в силу обыкновенной неграмотности, не считают нужным ознакомиться с последним изданием учебника и ложно трактуют в своих рассказах историю исходя из своих собственных, субъективных воспоминаний. Процесс формирования правильного патриотизма тормозит также и низкая степень энтузиазма преподавателей, ошибочно считающих уровень оплаты своего труда недостаточным, а также острый дефицит портретов Крон-Регента в глубинке. Давайте смотреть правде в глаза – в ближайшие десять лет степень внутренней угрозы национальной безопасности будет оставаться высокой.

В завершение своего обзора я хотел бы сказать, что только слаженная и совместная работа вас, практиков, и нас, ученых, сможет позволить нам достигнуть благополучия и процветания нашего общества. Благодарю за внимание.

В зале зааплодировали. Доклад профессора всем присутствовавшим понравился – он был понятным, простым, и в то же время как бы отвечал на многие вопросы, которые уже неоднократно задавали сами себе офицеры Департамента. Да, несомненно, Гольденкопф был прекрасным оратором и специалистом.

– Ну что же, – сказал господин зихерхайтспрезидент, – мне остается только поблагодарить от нашего имени уважаемого профессора. Все свободны, прошу приступить к выполнению своих обязанностей.

«Странно, – подумал Шмидт, – все вроде бы как обычно». Все время совещания его все-таки не оставляло ощущение чего-то особенного, необычного. Да, он прослушал интересный, но в то же время – обычный, рутинный обзор внутренней обстановки, которые проводились периодически. Он встал и вместе со всеми двинулся к выходу из конференц-зала. У выхода он увидел адъютанта главы Департамента в чине зихерхайтсмайора. Когда он проходил мимо него, тот аккуратно тронул его за рукав и произнес:

– Зихерхайтскапитан, пройдите в кабинет господина зихерхайтсдиректора...

Глава 4

Странник спускался по восточным склонам, заросшим густым хвойным лесом. Все больше и больше давали о себе знать страшная усталость и чувство голода, он прекрасно отдавал себе отчет в том, что впереди ему предстоит еще суровая борьба – борьба за выживание. Он любил свою жизнь и считал, что за это стоит побороться. Хотя Странник родился и вырос в большом городе, в лесу он не чувствовал себя чужим. Напротив, весь его жизненный опыт подсказывал, что, несмотря на трудности, именно здесь, в глухом и неосвоенном уголке дикой природы он находится в максимальной безопасности. Главные проблемы ждут его после, когда он вернется в мир людей, самых опасных существ на земле.

Выйдя к небольшой горной речушке, Странник решил сделать привал и попытаться добыть себе пропитание. Способов было множество, но он выбрал из них тот, который требовал наименьшей затраты сил – соорудив из тонких и гибких ивовых прутьев вершу, он установил ее в реке и прилег на берегу в ожидании удачи. Удача улыбнулась ему примерно через час, когда он достал из самодельной снасти две небольшие форельки, чуть меньше двадцати дюймов длиной. Если бы у него были соль, перец, укроп и сутки в запасе, он приготовил бы из них блюдо, достойное и стола Крон-Регента, однако ничего из этого у Странника, разумеется, не было, и он просто выпотрошил пойманных рыб, вспоров им брюхо найденным на берегу острым отломком камня и прополоскал в ледяной проточной воде. Ел он с удовольствием, как и всякий голодный человек, а поев, почувствовал себя значительно лучше. Соорудив себе спальное место из еловых веток, он решил, что теперь имеет право на три-четыре часа сна. Даже если бы он и решил иначе, то вряд ли бы смог двигаться дальше, учитывая свое нынешнее состояние. Заснул он сразу, провалившись в блаженное небытие, как только удалось удобно устроиться на импровизированной постели и согреться, высоко подняв ворот кожаной куртки таким образом, что все ее внутреннее пространство теперь согревалось его дыханием. Слава богу, последние три дня не было дождя и в лесу было довольно сухо. Проснувшись, как он и планировал, часа через четыре, Странник почувствовал значительный прилив сил, а вместе с ним и вернувшийся голод. Можно было бы задержаться у речки, повторив свой опыт с ловлей форели, причем с большими шансами на успех, однако в его положении не следовало долго задерживаться на одном месте. Он встал и, переправившись через речку по одному из лежавших поперек ее деревьев, по-видимому поваленному недавним ураганом, часто случавшимся в этих краях весной, пошел на восток. Раненая нога давала о себе знать томительной тянущей болью, рана, судя по ощущениям, несколько воспалилась, однако идти было можно. Дышать стало значительно легче, и Странник решил, что сможет дойти до заброшенной пастушьей хижины. Вскоре он вышел к дороге, которая спускалась в долину и которую он неплохо знал – это была одна из многих дорог, ведущих к Большому Перевалу, отсюда был день пути до небольшого городка Айзенштайн, волостного центра на Северо-Западе. Никем не встреченный на своем пути и, по-видимому, никем не замеченный, он без труда нашел сложенную из больших камней хижину с крышей из старой дранки, зиявшей многими прорехами. Был уже поздний вечер, и через прорехи в крыше были отчетливо видны звезды. Он вспомнил, как его учитель, Старый Гризли, говорил ему: «Для того чтобы ориентироваться по звездам, достаточно уметь находить только одну звезду – Полярную. Тот, кто подходит к изучению звездного неба с этих позиций, не использует и десятой части того, что оно может дать человеку, особенно – человеку нашей профессии». Странник тогда поинтересовался – а что же еще можно получить от знания звездного неба? Старый Гризли улыбнулся и посмотрел на него задумчиво, а затем, как всегда неторопливо и обстоятельно, объяснил: «Видишь ли, сынок, представитель нашей профессии практически всегда работает один. Именно так мы вас и готовим – для работы в одиночестве, когда тебе практически не с кем посоветоваться и не на кого опереться. Научись

разговаривать со звездами – это может тебе очень пригодиться. У звезд есть три очень важных достоинства – они всегда с тобой, если конечно ночь безоблачна, они остаются теми же даже на чужбине, далеко от Родины, и хотя выглядят там заметно иначе, но ты всегда их узнаешь, и, пожалуй главное, – они тебя никогда не предадут. О многих ли людях ты можешь сказать то же самое? Так вот, я рассказываю вам про звезды для того, чтобы познакомить вас с ними, чтобы вы могли с ними разговаривать, как с хорошими товарищами. Для этого, очевидно, вам надо выучить их имена – ведь не можешь же ты общаться с приятелем, не зная его имени. А то, что я преподаю вам это на занятиях по топографии и ориентированию – так это пустая формальность, не более того...». Странник выучил имена многих звезд и теперь совершенно по-другому смотрел на раскинувшийся над ним бархатный купол с россыпью мелких бриллиантов. Вот Сириус, яркая голубоватая звезда, самый дорогой и роскошный бриллиант в этой ночной коллекции; вот Мицар, звезда мистическая, непонятная и переменчивая, вот пояс Ориона – три звездочки в ряд и рассыпанная вокруг них звездная мелочь, аккуратное серебристое облачко Плеяд. Учитель был прав, ему многое следовало сейчас обсудить и решить для себя, а доверять в сложившейся ситуации он мог только звездам.

На следующее утро, выпавшийся, посвежевший и очень голодный, Странник двинулся в путь и к вечеру, пробираясь окольными путями и избегая встречи с прохожими, он вышел на центральную рыночную площадь провинциального городка Айзенштайна. Его внешний вид, несколько необычный и несомненно подозрительный, появившись он в крупном городе, здесь ни у кого не вызывал удивления. Население маленьких провинциальных городков Империи жило очень бедно, и люди носили те вещи, которые могли себе позволить. В особенности это касалось крестьян из окрестных деревень. Денег у него с собой не было, однако это не очень беспокоило Странника – он по роду своей деятельности привык к ситуациям, которые обычному обывателю могли бы показаться абсолютно безвыходными. Единственной вещью, которой он обладал и которая представляла определенную ценность, были ботинки – прекрасные горные темно-коричневые ботинки с высоким берцем и кожаными ремнями с бронзовыми пряжками; ботинки, изначально придуманные как экипировка горных егерей и бойцов пограничной стражи, но в силу высокой склонности военных интендантов к компромиссам широко распространенные среди мирного населения и пользовавшиеся неизменной популярностью. Перед тем как войти в городок, Странник тщательно очистил их от грязи и попололоскал в ручье – они были как новые и могли прослужить своему владельцу еще не менее пяти лет. На центральном рынке Рутенбурга за такие просили от десяти золотых, иногда и больше. Пройдя вдоль рядов рыночных продавцов, многие из которых ввиду позднего времени уже сворачивали свою торговлю, он нашел лоток торговца обувью, пожилого северянина с хитро прищуренными глазами.

– Сколько дашь за мои ботинки? – спросил он его, стараясь, как его учили, следовать интонациям и особенностям местного диалекта.

– Три золотых, – небрежно бросил торговец и сделал вид, что его это совершенно не интересует, хотя Странник понял, что день у него, судя по выражению лица, был совершенно неприбыльный, или, как это принято было говорить у торговцев, «пустой» и появление незнакомца давало шанс хоть как-то исправить его неутешительные итоги.

Торговля покупателя с продавцом – это искусство, требующее высокого профессионализма, знания таких наук, как психология и философия, тактика и стратегия, владение навыками актера и оратора. Если учиться этому в Университете – жизни не хватит, поэтому есть только один возможный способ владения этим искусством – с ним надо родиться. Странник не был прирожденным торговцем, хотя и обладал многими из перечисленных навыков. Это позволило ему получить за свою обувь пять золотых, один из которых он тут же превратил в простенькие ичиги местной выделки, сшитые из бараньих шкур, кожаные, мягкие, незамысловатые, но удобные и очень теплые. Появиться в них в столице означало бы вызвать презрительные

взгляды и насмешки надменных рутенбуржцев, всегда свысока относившихся к провинциалам. Здесь же, в Айзенштайне, человек в ичигах выглядел гармонично и ничем не отличался от сотен других местных жителей. Общение с торговцем обувью, помимо наличных денег, дало возможность Страннику собрать массу полезной информации. Он узнал, вернее – убедился, что сегодня действительно суббота, что завтра рыночный день, что за семь-восемь серебряных монет можно снять на несколько дней комнату на втором этаже над местным трактиром, что удобно, так как там неплохо кормят; что торгуют на рынке преимущественно крестьяне из близлежащих деревень, но торговля идет вяло, так как до нового урожая, понятное дело, еще далеко, а запасы с зимы невелики. Он узнал также, что крайнее справа в первом ряду место на рынке по воскресеньям занимает местный нотариус, который, будучи грамотным, составляет всяческие прошения, петиции и прочие бумаги за умеренную плату; но что завтра он вряд ли будет на месте, так как уже восьмой день пребывает в глубоком запое по причине меланхолии, что вообще весьма свойственно людям грамотным и культурным. Эта информация очень порадовала Странника. Он зашел в трактир, где без труда и за разумную плату решил сразу несколько очень важных проблем: плотно поужинал, стараясь при этом все же не переусердствовать и с большим трудом подавляя в себе неистовое желание заказать сразу по четыре порции всего, что было в заведении, снял на три дня комнату на втором этаже и договорился с хозяйкой, что к утру она вычистит, по возможности – зашьет и приведет в порядок его верхнюю одежду. Последнее, что он сделал перед тем, как провалился в бездонную пропасть глубокого сна – он узнал: где и как утром можно будет достать бумагу, пергамент, чернила, тушь и перья. Он заснул еще до того, как его голова опустилась на мягкую пуховую подушку. Мысль о том, что такой глубокий сон есть пренебрежение элементарными мерами безопасности, даже не пришла ему в голову – об этом он подумает завтра. Сейчас – сон.

Глава 5

В кабинете у зихерхайдсдиректора кроме него находился глава Департамента, господин зихерхайдспрезидент и директор аналитического отдела. По их лицам Шмидт понял, что они только что обсуждали что-то очень важное и его приход помешал им.

– Зихерхайдскапитан Шмидт явился по вашему распоряжению – четко, в соответствии с уставом отрапортовал Шмидт.

– Присаживайтесь, капитан, – снисходительно предложил господин зихерхайдспрезидент.

Шмидт обратил внимание на папку, которая лежала на столе его начальника. Разумеется, папка была закрыта, но и в закрытом виде представляла большой интерес. Это была великолепной выделки папка темно-коричневого цвета, из натуральной кожи. Сама по себе, без документов, такая папка стоила четверть его месячного оклада. Он знал, что в таких папках в архиве Департамента хранятся дела особой важности и секретности и что доступ к документам, хранимым в этих папках, имеют всего три-четыре человека из числа высшего руководства. Эти папки никогда и ни под каким предлогом не могли покидать территорию Департамента, но даже в его пределах вынесены из спецхрана они могли быть только по личному и письменному приказу господина зихерхайдспрезидента. У дел особой важности, хранящихся в этих папках, не было своих обычных номеров, они маркировались литерами. Вот и на этой папке Шмидт увидел вытесненные на коже литеры «КД». Он никогда ничего не слышал о деле с таким названием, что, впрочем, нисколько его не удивило. Прослужив в Департаменте Государственной Стражи более пятнадцати лет, он прекрасно понимал, что каждый сотрудник должен владеть только тем минимумом информации, который абсолютно необходим для сегодняшней работы. Было бы идеально, если бы по окончании работы, по завершении той или иной операции сотрудники, ее осуществлявшие, полностью забывали бы все, что с этой операцией связано. К сожалению, это было невозможно, хотя в особо важных случаях ставшую ненужной информацию приходилось стирать вместе с сотрудниками. Эта мысль немного обеспокоила Шмидта. Если сейчас его ознакомят с содержимым этой литерной папки, то тогда его грустные мысли выйти на пенсию отставным капитаном могут стать несбыточными розовыми мечтами.

– Вы, капитан, являетесь руководителем особой следственной группы, – начал неторопливо господин зихерхайдспрезидент. – Это значит, что вам подчинена кавалерийская полусотня специального назначения.

Поскольку в интонации главы Департамента прозвучал вопросительный оттенок, Шмидт кивнул головой и ответил:

– Так точно, в особый период я становлюсь командиром Специальной Кавалерийской Полусотни Департамента Государственной Стражи.

– Да, в особый период, – пробормотал господин зихерхайдспрезидент. Все присутствующие привыкли к лексикону военных, которые во всех документах так и писали – «особый период». Особый период означал войну.

– Так вот, капитан, для вас этот период наступил. По поступившим к нам вчера вечером достоверным сведениям, в столице нашей Родины, городе Рутенбурге, готовится крупная провокация. Ее подготавливают враги нашего строя, экстремистская организация под названием «Волхвы». В состав этой организации входят в основном бывшие и действующие офицеры армии и флота, недовольные мудрой политикой Крон-Регента и считающие его предателем, изменившим национальным интересам и неспособным обеспечить благоденствие нашей страны. Это фанатики, игнорирующие курс справедливых реформ и отрицающие благотворную суть национальных проектов. К сожалению, еще далеко не все члены этой преступной организации выявлены нашим Департаментом, однако их верхушка находится под присталь-

ным контролем. Вчера, в четыре часа пополудни в загородном имении руководителя организации состоялось тайное совещание, на котором было принято решение об организации крупной провокации в течение ближайших 5–6 месяцев. В качестве объекта для провокации была избрана столица нашего государства, город Рутенбург. Для осуществления преступного замысла экстремистами в ближайшие дни будет отправлена группа из 6–7 человек, возглавляемая неким кавалерийским полусотником, судя по всему – действующим офицером одного из кавалерийских полков, расквартированных в столице. Его имя или название полка установить не удалось. Этот отряд должен выехать в район Северо-Западных гор не позднее следующего понедельника, возможно, что они уже выехали. Как бы то ни было, все члены этой преступной группы должны быть ликвидированы и все их имущество уничтожено. Ни один из них не должен вернуться в Рутенбург. На время выполнения этого задания вы освобождаетесь от всех текущих дел. Успешное выполнение задания откроет вам, капитан, прекрасные перспективы служебного роста.

Шмидт слегка улыбнулся. Со стороны могло показаться, что он обрадовался замаячившим для него на горизонте карьерным перспективам. На самом деле он был достаточно опытным профессионалом, чтобы осознавать, что руководителем этой операции (в день подведения итогов) он будет только в случае ее провала. В случае же удачного ее завершения всегда найдется достаточное количество чьих-либо сынков, зятьев и племяншей, которые получают ордена и звания за его работу. Но не это его смущало – к этому-то он как раз уже давно привык. Его насторожил сам факт того, что господин зихерхайтспрезидент стал что-то ему обещать, потратив на это частицу своего времени и усилий.

«По-видимому, и впрямь случилось что-то экстраординарное и они не на шутку обеспокоены», – подумал Шмидт.

– Если у вас есть вопросы, капитан, вы можете их задать, – любезно предложил ему глава Департамента.

– Да, господин зихерхайтспрезидент, – сказал Шмидт. – Во-первых, я хотел бы уточнить, означает ли вышесказанное, что операция имеет ССУ-1?

ССУ, или степень соблюдения условностей, была одним из важнейших характеристик любой проводимой операции. Состоящую из четырех степеней градацию ввели в обиход департаментов Государственной Стражи и Общественного Порядка еще в эпоху правления Максимиана IV. Дело в том, что возможности человека если и не безграничны, то уж во всяком случае – огромны. Единственное, что мешает нам их реализовывать, так это невероятное количество условностей, которыми человек опутан от рождения и до смерти. Для обычных обывателей это неплохо, так как эти условности позволяют им с наилучшими результатами осуществлять производительный труд и уплачивать справедливые налоги. В то же время для решения задач национальной безопасности просто преступно руководствоваться условностями, которые суть не более чем предрассудки. Однако в прежние времена было все-таки непонятно, в каком случае и до какой степени сотрудник Департамента может этими предрассудками пренебречь. Конец этой путанице положил секретный приказ Максимиана IV, который установил четыре уровня условностей. Шмидт хорошо помнил это еще по учебе в Академии. Четвертый, максимальный уровень степени соблюдения условностей подразумевал, что нельзя причинять задеятельствованным в операции подданным имущественного вреда. По-видимому, этот уровень носил какой-то либо научный, либо теоретический характер и был необходим юристам-правоведам для формулировки остальных трех уровней. Никакими другими мотивами появление этого уровня в учебниках и научных трудах по правоведению объяснить было нельзя, ибо фактически эти нормы на территории Империи никогда не соблюдались даже ордунгполициякапра-лами как в столице, так и в глухой провинции.

Третий уровень соблюдения условностей означал возможность причинения имущественного ущерба и лишения свободы, но в то же время запрещал нанесение каких-либо телесных

повреждений. В мирное время в исключительных случаях этот уровень применялся в операциях Департаментов, чаще всего тогда, когда необходимо было продемонстрировать торжество Закона в присутствии каких-либо заморских гостей. Этот уровень настолько затруднял защиту национальной безопасности и делал работу следственного отдела по получению искренних и правдивых показаний от подозреваемых до такой степени малоэффективной, что Шмидт, как профессионал, не мог не возмущаться его применением. Ну не глупо ли беспокоиться о здоровье одного человека, когда существует угроза для целой нации? Да и нация ведь состоит из этих самых отдельных людей, так что все, что делается, делается для их же блага, разве не так?

Второй уровень ССУ означал, что задержанного или подозреваемого нельзя убивать насмерть. Это правило, как полагал Шмидт, было весьма разумным и правильным в мирное время. Во-первых, оно соответствовало принципам гуманности, до сих пор вяло проповедуемым церковью; во-вторых, несоблюдение этого правила приводило бы к таким перегибам на периферии, что терялось бы значительное количество важной и ценной информации, терялось бы вместе с ее носителями, безвозвратно. Именно поэтому, понимал зихерхайтскапитан, этот уровень и получил наибольшее распространение или, если можно было бы так выразиться, завоевал наибольшую популярность среди его коллег по всей Империи. Это было вполне понятно, но первый уровень?! Первый уровень, хотите вы того или нет, означал войну. Впрочем, это не очень волновало Шмидта. В отличие от большинства непосвященных, он прекрасно понимал, что война шла, идет и будет продолжаться всегда, а сами понятия мира и войны – не более чем условности дипломатического лексикона.

– У вас есть еще вопросы, капитан? – усталым голосом спросил его господин зихерхайтспрезидент.

– Так точно! – ответил Шмидт. Что нам известно о целях выезда экстремистов к горам Северо-Запада и какого рода провокацию они готовят?

Господин зихерхайтспрезидент недовольно поморщился.

– Вы должны слушать свои задания внимательнее, капитан. Я уже сказал вам, что их план нам в точности неизвестен. Единственное, что от вас требуется, это найти их и уничтожить, вместе со всем их имуществом, какое бы оно ни было. Это, надеюсь, вам понятно?

– Так точно, господин зихерхайтспрезидент! – четко ответил ему Шмидт.

– Можете приступать к выполнению, – вальяжно разрешил ему глава Департамента. Шмидт встал и, отсалютовав по уставу, покинул кабинет зихерхайтсдиректора.

Вернувшись к себе, он сел за свой рабочий стол и постарался неторопливо проанализировать сложившуюся ситуацию. Задание было не то чтобы исключительно сложным, но крайне необычным, можно даже сказать – уникальным. Располагая полусотней специально подобранных и обученных кавалеристов, ликвидировать 6–7 даже очень опытных бойцов представлялось делом простым и понятным. Гораздо труднее было их найти. «Поди туда, не знаю куда» – вспомнилась ему народная присказка. Здесь пригодилась бы любая, пусть даже самая незначительная информация о целях и задачах заговорщиков. Шмидт отчетливо понимал, что его начальники не могли не знать о целях этой экспедиции. Это вытекало из самой поставленной перед ним задачи. Никогда прежде не бывало, и вряд ли когда-нибудь впредь его Департамент позволит кому-либо из своих сотрудников убивать людей, знающих нечто важное, что было бы неизвестно Департаменту. Наоборот, гибель субъекта операции всегда рассматривалась как практический ее провал, за это наказывали, порою очень сурово. «Умрите, но доставьте их сюда живыми» – вот как должно было звучать его задание, если бы господин зихерхайтспрезидент и вправду не знал, зачем эти люди едут на Северо-Запад. Шмидт вдруг, уже в который раз, с ужасом для себя осознал, что причины, по которым его не сочли нужным информировать о подробностях, так сейчас необходимых ему для организации операции перехвата заговорщиков, далеки от таких понятий, как секретность и национальная безопасность. Нет, дело было не в степени доверия к нему, одному из офицеров, имеющих максимальный допуск

секретности. Дело было в информации как в одном из основополагающих элементов власти. Он прекрасно понимал, что с незапамятных времен доступ к информации был одной из тех привилегий, которые являются краеугольными камнями высшей бюрократии, ничуть не менее важной, чем участие в распределении бюджетных средств, проживание в государственных замках и т. д. Несмотря на то что, по-видимому, действительно появилась некая серьезная угроза для национальной безопасности, угроза в том числе (и даже, пожалуй – прежде всего) – для их собственной безопасности, власти и благополучия (ибо уже много лет только это и считалось «национальными интересами»), они все же не сочли возможным поделиться с ним, простым исполнителем, малой толикой этой привилегии. Это было так же невозможно, как предложить ему, простому зихерхайтскапитану, на время проведения операции воспользоваться спецкартой господина зихерхайтспрезидента. Вся жизнь, весь смысл жизни этих людей состоял в том, чтобы получить от этой самой жизни некие привилегии, которые были бы доступны только им и никому более. Ради этого они всю свою жизнь унижались, лгали, изворачивались, опять унижались, предавали друзей и теряли свое человеческое обличье, снова унижались и так до бесконечности. Поделиться мизерной частицей привилегии с человеком, который ничего из перечисленного для этого никогда не делал, означало бы в корне и полностью обесмыслить свою жизнь. Кто из нас смог бы решиться на такое? И уже в который раз опытный зихерхайтскапитан спросил себя – а действительно ли он служит своей Родине и национальной безопасности?

Грустные рассуждения такого порядка, впрочем, не снимали с него суровой ответственности за выполнение поставленного перед ним задания. Что же, бывало и хуже. Будем руководствоваться той скупой информацией, которой мы располагаем, и полагаться на собственный опыт и то неосязаемое, но очень существенное, что есть в арсенале каждого профессионала – чутье. Итак: шесть (возможно, семь) заговорщиков и кавалерийский полусотник во главе. Необходимо поставить себя на место полусотника и постараться логично и рационально спланировать операцию с точки зрения мятежника. Шмидт вспомнил своего учителя, легендарного контрразведчика, зихерхайтсберста Майдля, ставшего легендой Департамента еще лейтенантом во времена Максимилиана IV, когда он раскрыл крупную шпионскую сеть стран Запада. Он говорил своему ученику, молодому курсанту Шмидту:

– Поставь себя на место противника, тщательно все спланируй и обдумай, затем – наметь наиболее слабые точки в его плане и спокойно расставляй в засады группы захвата – враг пойман!

– Так просто?! – спросил тогда восхищенный Шмидт.

– Да, – коротко и просто ответил ему зихерхайтсберст.

– Но тогда зачем же организация сбора оперативной информации, внедрение контрагентов, разработка – все то, чему нас так долго здесь учат? – поинтересовался курсант.

Отставной разведчик, ставший профессором, улыбнулся ему:

– Видите ли, Шмидт, для того чтобы хорошо, эффективно поставить себя на место противника и рассчитать его путь, необходимо знать его характер и темперамент, образование и воспитание, образ мыслей и убеждения; необходимо знать, какое мясо он предпочитает на ужин и с каким вином, а может, он вообще трезвенник? Необходимо знать также его вероисповедание и национальность его родителей, какой тип женщин ему нравится, а какой вызывает неприязнь и еще с полсотни всяких «мелочей», вплоть до того, хорошо ли он спал и что съел сегодня на завтрак. И чем больше ты знаешь, тем точнее предсказанный тобой путь врага совпадет с его фактическим путем. А для того чтобы знать все это, необходим сбор оперативной информации, внедрение контрагентов, разработка фигуранта и что вы там еще называли?

Итак – цель задания – поездка к горам Северо-Запада. Необходимо выбрать для этого транспорт – пешком такое путешествие займет порядка двух месяцев, если учитывать, что кавалеристы – не егеря и даже не пехотинцы, и у большинства из них нет привычки к даль-

ним пешим переходам. Более того, Шмидт был уверен, что даже очень умному кавалеристу (настолько умному, насколько позволяло живое воображение зихерхйтскапитана) вообще никогда не придет в голову мысль передвигаться пешком. Если бы Шмидт входил в число заговорщиков и подобная операция была бы поручена ему, он наверняка переделался бы купцом, снарядил воз какого-нибудь ходового для Северо-Запада товара и неспешно двинулся бы в нужном направлении, растворившись среди тысяч таких же точно мелких торговцев, как капля в море или дерево в лесу. Но, – резонно предположил он, – кавалерист предпочтет ехать верхом на хорошей лошади, так как порученное ему задание он будет стремиться выполнить как можно быстрее. Это ведь у них в крови, у кавалеристов, с детства (если предполагать учебу в кавалеристском кадетском корпусе) воспитывается скорость – залог победы, скорость и маневр. Итак, попробуем: будем считать, что слабая точка их маршрута – это лошади, причем не просто лошади, а с седлами, седельными сумками, вьючными мешками – лошади, приготовленные к походу. Это уже что-то более конкретное.

Конечно же, в уме его промелькнул соблазнительный по своей безответственности вариант масштабной полицейской операции – с перекрытием дорог, поднятием по тревоге дежурного полка орднунгполицаев, повальной проверкой документов у всех, чье выражение лица не соответствует плакатному «Вступай добровольцем в инфантерию!», бессмысленным хождением патрулей по улицам городов и прочесыванием какого-нибудь наугад выбранного леса. В случае неизбежного провала подобной операции всегда можно было бы оправдываться, что задействовано 2356 нижних чинов, проведено 78 обысков и 120 задержаний, арестованы 5 карманных воров и 2 конокрада... такие цифры всегда баюкали разум высшего начальства и воспринимались крайне положительно, однако...

Однако, во-первых, заговорщики, скорее всего, уже покинули город и были более суток в пути, во-вторых, такие шумные операции действительно годились только для ловли конокрадов и мелких мошенников, а в-третьих, как он недвусмысленно понял из разговора с зихерхйтспрезидентом, операция должна была быть проведена тихо, без лишнего шума.

Шмидт вышел из своего кабинета и отправился через внутренний двор в стоявший несколько особняком северный флигель его Департамента. Там, в отделе документации он встретил своего старого знакомого и коллегу, зихерхйтсмайора Таубе, начальника службы документации. Очень мало было в мире документов, которые этот пожилой человек с хитровато прищуренными глазами не держал бы в руках, и еще меньше таких, которые он не смог бы изготовить за 15–20 минут. Он хотя и был на 15 лет старше Шмидта, но тоже был высоким профессионалом и уважал это качество в своем молодом коллеге.

– Что, новое ответственное задание? – хитро подмигнув, спросил его Таубе.

Шмидт улыбнулся:

– Напомни мне об этом через пятьдесят лет, я обязательно тебе расскажу!

Они оба рассмеялись. Всем было известно, что на особо важные дела Департамента распространяется срок секретности – 50 лет. На самом деле это было не совсем так, ибо дела по настоящему секретные оставались таковыми всегда.

– Я к вам с просьбой, герр зихерхйтсмайор, – сказал ему Шмидт. – Мне нужно удостоверение интендантского оберинспектора с правом проверки документации и имущества воинских частей столичного гарнизона.

– Только-то и всего? – разочарованно переспросил Таубе. – Я мог бы тебе сделать документы адмирал-инспектора океанской эскадры Нового Света, например?

Шмидт еще раз вежливо улыбнулся:

– Это в следующий раз, дружище! Так я загляну через пятнадцать минут?

– О чем речь, конечно! – ответил ему ветеран.

Глава 6

Большой каменный дом в двадцати верстах к югу от Рутенбурга можно было смело назвать особняком, виллой или крепостью – в зависимости от того, к чему вы больше привыкли или тяготеете. Это было сооружение, сложенное из крупных, грубо отесанных каменных блоков такой толщины и массивности, что, вероятно, в случае осады могло бы выдержать попадания ядер, выпущенных из трехфунтовой пушки. В просторном холле первого этажа, возле разожженного камина сидели в креслах два человека. Они курили трубки, и запах дорогого изысканного табака, наверняка привезенного из-за океана, заполнял помещение и располагал к спокойной, неторопливой беседе. Оба собеседника были одеты в дорогого сукна, хотя и ношенные уже камзолы, в которых обычно ходят преуспевающие купцы или аристократы средней руки. Несмотря на штатскую или, как сейчас модно было говорить в Рутенбурге, партикулярную одежду, по тому, как они сидели, разговаривали, смотрели друг на друга, в общем – по тому неуловимому, что есть в каждом человеке и что очень трудно описать словами, но очень легко почувствовать, опытный наблюдатель сразу понял бы, что эти двое – профессиональные военные, причем оба – с юных лет. Впрочем, никакого опытного стороннего наблюдателя рядом не было, да и не могло быть – имение было огорожено высоким каменным забором, а ворота охранялись суровым привратником, по виду – отставным вахмистром, шести футов ростом с пышными черными, чуть с сединой усами и взглядом, мгновенно убивавшим в собеседнике какое-либо желание о чем-то спорить или что-то обсуждать.

Разговор продолжал хозяин имения:

– Видишь ли, дорогой Рэм, ты, конечно же, абсолютно прав в своей оценке горестных перспектив нашей Родины. Никогда еще за всю ее историю правительство не вело такую откровенно циничную антинародную политику. Ты прав также и в том, что, в отличие от эпохи Максимуса IV, эта антинародная политика проводится на фоне неслыханного развала всех структур власти, то есть, иными словами говоря, власть как никогда слаба и государственный аппарат являет собою сейчас не что иное, как картонный домик, который рухнет при малейшем дуновении ветра. Таким дуновением может стать падение цен на хлопок, выращиваемый у нас на Юге, или на уголь, добываемый на шахтах Севера. Это абсолютно справедливая точка зрения, и я с тобой соглашаюсь. Другое дело, что после неизбежного падения этого домика нынешняя элита благополучно убежит, унося с собой все наше золото, а мы останемся барахтаться в этом хаосе и крови. Это понимаем мы с тобой. Возможно, это понимают и многие другие простые люди, однако это нисколько не приближает нас к решению данной проблемы. Дело ведь не в том, а вернее – не только в том, чтобы все люди нашей Родины понимали, что страна катится в пропасть и необходимо что-то менять. Важно, чтобы они были единодушны в убеждении – как это менять! А здесь, увы, мы не имеем никакого единодушия, так как каждый наш соотечественник имеет свою, отличную от других точку зрения о том, как надо правильно жить дальше. Такое положение, кстати, выгодно как нашей нынешней власти, так и внешним врагам Империи, которые не жалеют денег для того, чтобы его поддерживать. Если рассматривать каждого подданного как кирпичик Великой Империи, а именно так нас и воспитывали с раннего детства, то нетрудно продолжить эту аллегорию и понять, что грозная крепость Империи скоро превратится в жалкую кучу битого кирпича. Именно ощущение неизбежности этой катастрофы и побудило нас, как ты, конечно же, помнишь, создать нашу Организацию.

Рэм это прекрасно помнил. Семь лет назад он, тогда еще только назначенный командиром флагманского фрегата Северной эскадры, молодой круизер-командер, неожиданно для себя получил письмо от своего старого друга, темника Сноу с приглашением посетить его родовое имение, расположенное к северу от столицы. В письме не указывались причины приглашения, и, будь оно прочитано посторонним, оно не могло быть понято иначе, как приглашение

на светский ужин, которые бесконечно устраивали богатые рутенбургские бездельники. Крузер-коммандер, впрочем, сразу понял, что это не простой светский ужин – он слишком давно и хорошо знал темника и разделял его глубокое презрение к людям, способным без толку убивать время. Письмо могло означать только одно – он нужен Сноу для какого-то очень важного дела, причем дела неотложного. В противном случае тогдашний заместитель начальника штаба имперской Армии не стал бы зря тратить чернила.

Он немедленно приехал в этот большой и мрачноватый то ли дом, то ли крепость, и этот день стал одним из поворотных дней в его жизни. Темник тогда поинтересовался, как идут дела у молодого и перспективного старшего офицера Флота, доволен ли он своей службой и как он видит будущее – свое, Флота и Родины. Сноу был одним из тех немногих людей, в общении с которыми Рэм мог не стесняться и называть вещи своими именами. Он честно сказал, что своей судьбы отдельно от Флота он не мыслит, а в силу своего положения на карте его Родина без настоящего боеспособного Флота долго не продержится. Еще он сказал, что сейчас Флот, которому он посвятил себя и всю свою жизнь, медленно гниет и умирает, а даже те немногие средства, которые Крон-Регент формально выделяет на его реконструкцию, беспощадно разворовываются чиновниками всех уровней. Он напомнил недавнюю нашумевшую гибель фрегата «Нойнбург» во время летнего учебного похода, наделавшую много шума, и гибель еще одного фрегата и корвета, никакого шума не наделавших, поскольку властям благополучно удалось эти потери скрыть. Он сказал, что свой долг он всегда готов выполнить до конца, но он совершенно не уверен в том, что сидеть и смотреть, как какие-то крысы разваливают и разворовывают потихоньку твою Империю, – это и есть его офицерский долг. Темник Сноу выслушал его с грустной улыбкой, не перебивая, и лишь временами коротко кивал, как бы соглашаясь со своим собеседником. Затем, когда Рэм замолчал, он внимательно посмотрел ему в глаза и сказал:

– Крузер-коммандер, вы не одиноки в своих сомнениях. Похожие мысли высказывают сейчас многие из моих знакомых по службе, от артиллеристов до интендантов. Последние, впрочем, реже первых, так как среди них вообще трудно встретить честного человека.

Он рассказал Рэму о том, что в Империи существует тайная организация, состоящая в основном из военных и потомков старинных аристократических родов, которым небезразлична судьба Родины и которые готовы на решительные действия для того, что бы ее изменить. Он также сказал тогда, что организации нужны верные люди на военном флоте, что он обсудил кандидатуру крузер-коммандера с Координационным Советом и что Совет ее вполне одобрил. Если он согласен на борьбу, он может вступить в организацию сейчас или забыть об этом разговоре навсегда. В соответствии с древними традициями и легендами организация называлась «Волхвы».

Тогда Рэм горячо поблагодарил темника за доверие и поклялся в верности Организации и Родине.

В течение прошедших лет была проделана колоссальная работа. Организация, разбивавшаяся на тройки, достигала по своей численности несколько тысяч человек, при этом каждый из ее членов лично знал лишь еще трех заговорщиков. В организацию входили многие старшие офицеры практически всех родов войск. И все-таки этого было мало. До конца не был решен главный вопрос – как в решающий день добиться всеобщего единодушия и направить даже не десятки, а сотни тысяч людей в бой для решения Великой Цели. Координационный Совет многократно обсуждал различные варианты действий, но все они казались нереальными. Без единодушной поддержки народа и низших армейских чинов их выступление стало бы просто очередным путчем, что уже не раз случалось в многовековой бурной истории Империи – путчем, который был бы более или менее успешным или же неудачным, но который бы ничего в стране не изменил.

Темник Сноу разложил на столе какие-то свитки, весьма старые и потрепанные, и с интересом посмотрел на Рэма.

– А что ты скажешь об этом, мой дорогой друг?

– Что это? – спросил его моряк.

– Ты слышал что-нибудь о Крови Дракона?

Рэм осторожно поднял глаза на своего собеседника. Темник Сноу не был похож на человека, который склонен к розыгрышам, да и тема их разговора к шуткам особенно не располагала. В то же время он ни в коем случае не был похож на сумасшедшего.

– Это ведь просто древняя легенда, даже, скорее, сказка, а не легенда, – удивленно ответил он. Он хорошо помнил эту легенду с раннего детства.

Давным-давно, далеко в северных горах жил Одинокий Дракон. Больше всего на свете он любил горы, в которых он родился и вырос, где жили его предки и сверстники, другие драконы. Они охотились в горах, жили в удобных пещерах, никогда не покидая родных краев и никогда не нападая на соседей. Все, чего они хотели, это мирно жить в своих горах до скончания веков. Однажды в горы пришли люди, которые стали сразу вести себя, как хозяева гор. Они вырубали кустарники, валили деревья, оставляли в местах, где они устраивали свои стоянки, невообразимые кучи мусора и запустение. Драконы попытались договориться с людьми – они сказали, что это их горы от начала времен, что они, драконы, здесь родились и выросли и что если люди хотят ходить по их горам, им следует соблюдать ряд несложных правил. Предводитель людского племени в ответ рассмеялся и сказал, что жить в горах его племя будет так, как оно пожелает, ибо они убежали из своей земли и по человеческим законам являются Убежанцами, то есть Людями, Которые Ведут Себя Как Захотят! И он был абсолютно прав – никто не вправе требовать уважения к чужой Земле от людей, которые в трудную минуту бросили и предали свою собственную родную Землю. Драконы попытались убедить их, что это не совсем справедливо, так как горы – это родина их предков. Кроме того, драконы являются самыми чистоплотными существами на земле, и мусор и зловония могут их просто убить. Узнав об этом, предводитель людей очень обрадовался, и с этого дня его соплеменники с удвоенной силой стали засорять горы, превращая их в одну невероятную свалку отбросов. Драконов было слишком мало, многие из них умерли от грязи и смрада, пришедшего в их горы, значительно раньше, чем поняли, что надо сражаться за свою землю. Одинокий Дракон, собрав немногих из оставшихся в живых друзей, предпринял отчаянную попытку сопротивления. Возможно, он и имел шанс на успех, но Убежанцев единодушно поддержали люди из других племен, живших по окраинам гор. Они ненавидели драконов, хотя история их жизни в предгорьях не знала случая, чтобы драконы когда-нибудь на них напали или причинили им какой-либо вред. Они ненавидели драконов за то, что те были сильными и благородными животными, не причинявшими им зла. Если бы люди обладали силой драконов, а драконы – слабостью людей, то люди давно уничтожили бы драконов всех до единого, но драконы так не поступали в силу своего благородства. И это благородство настолько явно оттеняло людскую подлость, а сила и размеры драконов настолько подчеркивали людскую мелочность, что не было на свете ненависти сильнее этой.

Силы были неравными, товарищи Одинокого Дракона гибли каждый день, и настал час, когда он остался один. Смертельно раненный, он заполз в одну из тайных пещер, которых драконы знали великое множество, а люди до сих пор не нашли и десятой части, и, истекая кровью, умер. Крови было так много, что она собралась в подземное озеро. Это озеро существует до сих пор. Вода в нем рубинового цвета, и каждый, кто выпьет хоть каплю воды из этого озера, на всю жизнь будет одержим тремя главными чувствами, с которыми умирал Одинокий Дракон – отчаянной храбростью, беззаветной любовью к родной Земле и ненавистью к пришельцам.

– Это очень красивая, но все же легенда, – повторил после минутного раздумья Рэм.

– Да, дружище? В таком случае прочитай-ка вот этот документ. – Он подал ему один из свитков. – Документ, как видишь, составлен в одна тысяча... ну то есть через два года после победы в Большой Войне. – Рэм с интересом развернул свиток.

«Совершенно секретно.

Для крайне ограниченного круга лиц.

(далее следовал перечень из семи имен, первым из которых был император Максимус IV)

Департамент Оборона.

Отдел разведывательных операций.

В соответствии с указаниями Верховного Главнокомандующего о проведении расследования по делу „КД“, почтительно докладываю:

1. Во время допросов, проведенных моей следственной группой, высшие чины штаба Мерсье показали, что в процессе подготовки к вторжению сил Запада на территорию Империи в пищу бойцам добавлялась неизвестная жидкость красного цвета в незначительных концентрациях (в разведении 1:500 приблизительно), что, по их профессиональному мнению, повысило боевой дух и боеспособность войск в 1,5–2 раза.

2. Исследование запасов провианта, захваченных нашими передовыми частями в окруженной Северной группировке противника, проведенное с участием флагманских алхимиков Департамента Оборона, показало, что пища содержит добавки, ранее не известные и не входящие в рацион бойцов противника (по данным трофейной интендантской документации).

3. Выявлен круг лиц, причастных к доставке неизвестного вещества частям противника. Все они являлись офицерами V (особого) отдела Службы Военных Капелланов армии Запада. Предпринимаются меры по их нахождению и задержанию.

4. При анализе трофейной секретной документации обнаружен приказ маршала Мерсье о необходимости немедленного и полного уничтожения любой документации по „КД“ ввиду отступления его армии.

*Начальник отдела разведки Пятой Гвардейской Кавалерийской тьмы,
Тысячник Зальцман».*

– Но ведь в легенде говорилось о драконах, которые были миролюбивы и ни на кого не нападали, – удивленно то ли спросил, то ли сказал Рэм.

– Друг мой, – с улыбкой ответил ему Сноу, – ну ведь ты же сам справедливо заметил, что это всего лишь легенда или сказка! В действительности, если сказать человеку, выпившему Кровь Дракона, что в интересах его Родины надо немедленно оккупировать какой-нибудь островок в пяти тысячах миль отсюда, то он, несомненно, запишется добровольцем в морскую пехоту; ведь так велят ему интересы Родины! Проблема нравственной чистоты того, что делают солдаты, никогда не должна обременять самих солдат – для этого существует главнокомандующий. Все, что произойдет, когда он будет командовать такими солдатами, останется только на его совести.

– Но ведь наши ученые доказали, что драконов никогда не существовало! – совсем уж невпопад вставил пораженный увиденным и услышанным крузер-командер.

– Ты умный человек, Рэм, – серьезно ответил ему темник. – Конечно, ученые – это очень уважаемые и авторитетные люди. Они вполне могут доказать, что что-то когда-то где-то было. Но как они могут доказать, что чего-то никогда и нигде не было? И потом, обрати внимание на даты – через два года после окончания Войны были засекречены все материалы по теме «КД», а буквально через год наши имперские ученые вдруг ни с того ни с сего начинают во

всеуслышание заявлять, что «драконов никогда не было»! Разве это тебе, опытному штабисту, ничего не напоминает?

– Мероприятия по обеспечению легенды? – удивленно воскликнул Рэм.

– Скорее – антилегенды! – отозвался темник. – Мероприятия по искоренению самой легенды об Одиноком Драконе из памяти людей, целого народа. Чтобы такое и в голову никому больше не приходило!

– Так что же такое на самом деле «КД»? – спросил Рэм.

– А вот этого так до сих пор никто и не знает, – ответил ему Сноу. – Определенно можно утверждать лишь то, что подземное озеро, наполненное какой-то жидкостью красного цвета, влияющей на людей так, как говорится об этом в легенде, действительно существует. Вот два свитка – это подробная карта района Северо-Западных гор и легенда для этой карты. История этих документов очень интересна. Их обнаружил в ходе своего расследования тысячник Зальцман, но не успел отправить в Рутенбург. Он при очень странных обстоятельствах погиб со всей своей разведгруппой примерно через год после того, как написал только что прочитанный тобою доклад. Официально было объявлено, что они попали в горах в засаду и погибли, столкнувшись с отрядом западных горных егерей, не соблюдавших общего решения о капитуляции и продолжавших сражаться, что неудивительно, если допустить, что они тоже пили Кровь Дракона. Таких мелких групп в горах в те годы было предостаточно, и история выглядела бы достоверно, если не учитывать, что Зальцман и его группа были очень опытными разведчиками и скорее могли сами организовать засаду, чем попасть в нее. Сам Зальцман еще во время Большой Войны составил наставления по боевым действиям в горах, по которым молодежь учится до сих пор. Скорее всего, его группа и он сам были ликвидированы Департаментом Государственной Стражи после принятия решения о закрытии всех материалов по «КД». Здесь, как мне кажется, Департамент перехитрил самого себя – Зальцман был честным служакой и обязательно переправил бы найденные им документы в Рутенбург, если бы успел. Каким-то чудом эти свитки уцелели и оказались в руках его сына, с которым я хорошо знаком. Неделю назад он принес их мне, и вот они перед нами.

– И что мы теперь будем делать? – спросил темника Рэм.

– А теперь, – ответил Сноу, – у нас появился шанс, какого никогда ранее не было и никогда потом не будет. Теперь нам любой ценой необходимо получить хотя бы два галлона этой жидкости, и мы сможем изменить судьбу Империи! Я планирую собрать Координационный Совет через час – и мы составим план действий. У нас есть надежные люди, которых можно будет отправить в горы Северо-Запада.

– А что могу сделать я? – спросил его Рэм.

– Можешь, дружище, и очень многое. Во-первых, я хочу, чтобы ты забрал все эти документы и сохранил их в надежном месте – для себя я уже приготовил копии карты и легенды. Во-вторых, я хочу, чтобы ты покинул мой дом до сбора Координационного Совета и чтобы никто, кроме меня, тебя не видел и не знал. В-третьих – я дам тебе список Организации и пароли, при помощи которых ты сможешь, если это потребуется, возглавить наше дело в решающий момент.

– Вы подозреваете кого-то в измене? – удивленно спросил круизер-коммандер. – Кого-то из членов Совета?

Темник ответил ему не сразу.

– Видишь ли, друг, для того чтобы подозревать, нужны основания и доказательства, а у меня это просто предчувствия. Но я им доверяю – за всю мою жизнь они еще ни разу меня не подводили. В то же время, семь лет назад, когда организация была еще в зародыше, когда число ее членов измерялось десятками, можно было быть уверенными. Сейчас нас тысячи, но кто поручится за каждого? Департамент Государственной Стражи уже просто обязан иметь о нас хоть какую-то информацию. И то, что они не предприняли против нас никаких решительных

шагов, не может меня не настораживать – они ведут себя так спокойно, как будто чувствуют, что ситуация под контролем и мы не опасны. Такая уверенность может быть у них только в том случае, если они получают информацию непосредственно из нашего Координационного Совета. В то же время кого-то конкретно в качестве источника утечки информации я назвать не могу. Как видишь – это только предчувствия. Рэм не мог не признать опасения темника обоснованными. Он аккуратно собрал со стола бумаги, и они тепло простились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.